

«В краю Воротынском»

Демидов
Николай Александрович

**ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК
ВАСИЛЬСУРСКОГО УЕЗДА**

р.п. Воротынец
2012 г.

**Печатается по изданию
1884 года**

ГЛАВА I.

Северо-восток России со времен незапамятных заселился народами финского происхождения, часть их, по неизвестной причине и вопреки общему движению их из степей Азии к Ледовитому океану, направилась к западу и, остановившись у берегов Волги, заселила прилежащие места у устьев Оки, Суры, Кудьмы, Ветлуги и других рек верхнего и среднего Поволжья. Племена эти делились на четыре довольно характерные группы: на мордву, черемис, мещеряков и чуваш. Мордва же в свою очередь делилась на эрзян, мокшан и каратаев (терюхане). (1) Иорнанд первый из летописцев упоминает собственно о мордве; (2) в Арабских летописях X века также есть известие о мордве, как о народе, живущем на этих местах. (3) В X же веке Константин Порфирородный упоминает о стране Мордия. (4) Наконец Нестор при перечислении финских племен говорит и о мордве, помещая ее в соседстве с исчезнувшей теперь мерею, т. е. на восток от устья Оки. Итак, все пространство между Окою и Сурою заселяла мордва. К западу у Оки в теперешнем Горбатовском уезде расселились мещеряки. На месте теперешнего Васильского уезда в южной его части поселилось мордовское племя эрзян. В засурском же углу, а также в заволжской стороне поместились черемисы; далее за Ветлугою чуваш. Племя эрзя, судя по летописным известиям, было самым сильным из этих народов и даже управлялось своими князьями. Вообще мордва отличалась более других и оседлостью и многочисленностью. Но народы эти не оставили нам никаких памятников, которые могли бы дать хотя малейшее понятие о степени их гражданственности, а потому вероятнее всего, что по сравнению с соседними славянскими племенами, они были на самом низком уровне своего развития. Это подтверждается еще и другим: неподалеку от слияния рр. Имзы с Ургой на полях было найдено несколько остатков (5) каменных орудий. Конечно, они должны быть отнесены к временам мордовских поселений и именно к эпохе, когда колонизация русских не внесла еще в среду их орудия высшего вида. Эти наконечники стрел изобличают перед нами то дикое первобытное состояние, в котором были эти народы уже в X веке и даже в начале XI.

Характер природы среднего Поволжья наложил свою печать и на характер этих пришельцев: они принуждены были бросить кочевья и прикрепиться к месту; мало того, самое место под поселение приходилось с трудом отыскивать среди непроходимых лесов, топей, болот и бесчисленного количества речек. Вот почему они селились не сплошными массами, а большею частью семьями, в разбивку, что впоследствии и было причиной столь легкого их покорения русскими. При нападении они быстро укрывались в лесах. Лес с течением времени стал необходимой их стихией: он кормил и одевал их; он прикрывал их от непогоды и от врагов; в его таинственной зелени они проводили всю жизнь; в нем же хоронили и своих сродников. До сих пор можно зачастую встретить в лесах, где-нибудь в

самых укромных уголках, могилы этих номадов, обыкновенно состоящая из небольшого кургана, в глубине которого находят глиняный горшок с прахом умершего. (6) В лесу, на берегу реки, вблизи озера или болота, мордвин чувствовал себя как дома, и верования его основались на обоготворении леса, воды и деревьев. Отличительною чертою всех этих финских народов, подмеченною многими историками, было миролюбие. (1) Иорнанд говорит, что это было самое мирное племя из обитателей Европейского севера. С XII века, и даже ранее, уже возникает постепенно усиливающееся, но еще бессознательное стремление русских племен к обладанию востоком. Имея в начале частные побуждения, например, ограбление болгарских купцов, оно постепенно переходит в общую настойчивую идею, которая в наши дни выражается в столкновении с Китаем и Туркестаном. Имея всегда одну и ту же цель и то же направление, оно, начиная с XVII века, служит самым существенным источником развития в экономическом отношении всего приволжского края. И в те далекие времена ладья новгородских ушкуйников уже смело скользила по Волге, достигая берегов Камы и царства Болгарского.

(7, 8 и 9). Соседними русскими владениями в XII и в начале XIII века к Мордве были владения Суздальских и Муромских князей, которые в то время были уже настолько сильны, что стали помышлять о завоеваниях. Все чаще и чаще Суздальские и Муромские дружины начали похаживать в соседние низовские земли (так называли тогда низовья Волги по отношению к русским владениям, занятые именно финскими племенами. Место слияния Оки с Волгой невольно привлекало внимание этих дружин; если не сознавались тогда торговые выгоды этого места, то богатство и разнообразие природы были уже заманчивы. Раздробленная и расселенная на далекие расстояния Мордва, хотя и была многочисленна, но при столкновении с русскими скорее дразнила их своим сопротивлением, чем представляла им существенное препятствие к завладению местом слияния этих двух рек. Таким образом, в княжение Суздальского князя Юрия Всеволодовича II-го, русская рать пробилась до берегов Оки и, оттеснив мордву, в 1222 году завладела правым берегом Волги. Юрий Всеволодович, конечно, пожелал закрепить за собою все завоеванные земли и потому тотчас же основал здесь город, укрепленный валом, который и стал называться с тех пор Новгородом Низовския земли. Не будем останавливаться на исторических и других обстоятельствах, которыми сопровождалось основание Нижнего Новгорода, скажем только, что его положение, метко выбранное при слиянии двух важнейших рек коренной русской земли, возвысило его впоследствии до того, что он стал сердцем промышленности всего среднего Поволжья. Основанием Нижнего Новгорода завершился первый шаг к завоеванию Казани или, лучше сказать Болгарии. Это движение русских на Болгарию продолжает свой дальнейший путь почти тотчас же по построении Нижнего Новгорода (9) в

княжение того же Юрия Всеволодовича. Укрепив на скорую руку город, в 1228 году, князь Юрий открывает войну с Мордвою. Он разорил множество мордовских поселений и вероятно разгоряченный легкими победами, слишком затронул и прогневил национальные чувства мордвы, потому что немедленно она поднялась и под начальством князя своего Пургаса подступила к Нижнему, разбила войска Юрия и, предав огню Богородичный монастырь, построенный за чертою города, — удалилась в свои леса. По всей вероятности князь Юрий Всеволодович получив такой урок от Пургаса, увидал, что он недостаточно еще укрепился в Нижнем Новгороде, так как после этого погрома обратился к более разумным средствам, а именно вошел в союз с каким-то мордовским же князем и только с помощью его победил Пургаса. Вот как излагает эту эпоху борьбы Юрия с мордвою Перетяткович: «много помогло северо-восточной Руси в ее войнах с Мордвою то обстоятельство, что в первой половине XIII века среди мордвы выделились два князя — Пурейша и Пургас: первый дал присягу великому князю владимирскому Юрию Всеволодовичу и помогал ему в войне с враждебным ему князем Пургасом. Походы в мордовскую землю, как и против болгар, князья северо-восточной Руси предпринимали сообща. Они сопровождались тогдашнему обыкновенно разрушением границ и уводом пленной мордвы, которую князья и дружинники могли селить на своих землях, на севере, также как это делалось в южной Руси. Мордва чаще всего уходила в свои непроходимые леса, где и запиралась в своих «твердях» (крепостях), следовать за ними в чащу лесов не рисковали русские дружины, потому что противники легко могли уничтожить их там. В 1228 году болгарский князь пошел на Пурейшу, быть может, на помощь Пургасу, но, узнав, что в мордовской земле воюет Юрий Всеволодович владимирский с союзными князьями, ушел скоро обратно. На следующий год Пургас с войском отправился к Нижнему Новгороду, желая разрушить этот оплот русской власти на земле мордовской, но взять его не мог. На обратном пути, между тем, на самого Пургаса напал сын Пурейши с Половцами (хоть изредка, но заходили и сюда эти опасные союзники Руси) и истребил большую часть войска Пургасова, так что сам Пургас едва ушел с несколькими воинами».

В последней половине XIII и 1-й половине XIV века не было серьезных столкновений с мордвою: молодой Нижний Новгород очевидно употребил все это время на то, чтобы окрепнуть и обстроиться. Если и бывали незначительные столкновения, то в общем результат был тот, что мордва постепенно отодвигалась от Нижнего. Вследствие своего миролюбивого характера, о котором мы говорили уже выше, она почти никогда не нападала первая.

В 1300 году Нижний становится стольным городом Суздальского князя Константина Васильевича, который чувствовал себя в Нижнем настолько прочно и сильно укрепившимся, что задумал потягаться даже с Москвою, мечтая о столе

великокняжеском! Вследствие этого он изменил политику своих предшественников относительно мордовских племен. Не желая тратить войско, которое ему могло всегда пригодиться для борьбы за великокняжеский престол, не желая упустить случая и обогатиться мордовскими землями, он перешел на почву мирной колонизации этих земель. И благодаря характеру финских народов, всегда апатичному и уступчивому, он быстро достиг желанной цели. В конце княжения его мы видим Нижегородское княжество, простирающимся от Оки до берегов Суры и от Волги до реки Вада. Приобретение плеса Волги до Суры во владение Нижегородского княжества было немаловажным событием не только в истории среднего Поволжья, но и в истории всей Руси. Князь Константин Васильевич умер в 1355 г. Мы можем, следовательно, этим годом отметить время, когда-то пространство, которое занимает, теперь Васильский уезд (нагорная его часть) отошло во владение русских. Так постепенно шло расселение русских по Волге по направлению к юго-востоку, вероятно, оно и продолжало бы свое движение, если бы не было надолго приостановлено новыми событиями в 1236 году. Множество болгар, спасаясь от нашествия татар, бросилось во владения русских, ища защиты и возвестив тем о приближении грозы, которая должна была разразиться впоследствии над всем югом и севером русского великокняжества. В продолжение месяца татары овладели всем Поволжьем «поплениша все по Волзе», говорит летописец (Сузд. лет. 1237 – 1238 годов). С этого времени то и дело появлялись монголы в пределах присурского края, грабя, убивая и сжигая все, что попадалось им под руку.

Весною 1377 года над всем Нижегородским княжеством разразилось страшное бедствие: появился татарский князь Арапша. Он шел на Нижний с многочисленными полчищами диких и необузданных татар. По свидетельству летописца «свирепый зело и ратник велий, телом малый, но мужеством вельми». И русское и мордовское население одинаково трепетали перед наступающими полчищами врагов. Положение мордвы было самое критическое. Недостаток самостоятельности всегда лежал в ее характере, и тут, очутившись между двух огней - страшными монголами и ненавистными русскими, мордва не знала, чьей держаться стороны, и в конце концов переметнулась на сторону Арапши. 5 августа 1377 года татары и мордва подступили к Нижнему, разграбили его, избили жителей и наведя ужас и панику на оставшихся в живых, ушли восвояси. Нижегородцы едва оправались от нанесенного погрома, тотчас же вспомнили татарских пособников. Собравши остатки войска, двинулись они на мордовские поселения, разграбили и сожгли их, и всю мордовскую землю, но словам летописца, «пусту сотворили». К тому же зима 1377 — 78 годов была необыкновенно холодна: все небольшие речки вымерзли досуха и помогли русским добраться до юркой мордвы. Нижегородцы возвращались из похода, уводя за собою массу пленных. Когда они пришли назад к городу, вероятно желая

окончательно выместить на несчастных жертвах свою злобу, они раздели их до гола и в трескучий мороз нагих тащили по льду, травя собаками.

Весною 1392 году Новгород Низовской земли отходит к великому княжеству Московскому, сын Дмитрия Донского — Василий Дмитриевич был объявлен в Нижнем великим князем. С этого времени и присурский край, следовательно, отошел под власть Московского великого княжества. В это время он был уже настолько прочно колонизован русскими, что последние князья Нижегородские начинают жаловать его землями: так последний князь Нижегородский Борис жалует Печерскому и Спасско-Благовещенскому монастырям свои «роздерти» пахотной земли и рыбные ловли на Суре, а также бобровые гоны от речки Курмышки вниз до Волги. Благодаря, вероятно, стараниям монастыря здесь вскоре появляются и поселения, например: Мигино и другие. (3) В 1399 году основано село Спасское при речках Сурме и Сюрюке. Это самое древнее село, нам известное. Тем не менее, колонизация края шла довольно медленно: весь XV век есть период этого расселения русских по берегам Волги и вместе с тем постепенного отклонения мордвы к югу по направлению к Арзамасу, который исподволь становится центром мордовских племен. Движение это шло естественным путем без всякого насилия со стороны русских. Мордва слабела сама собой в силу исторических обстоятельств. Столкновения между болгарскими (впоследствии казанскими) дружинами и русскими были частые. То и дело по мордовским землям ходили эти рати, воюя друг с другом, беспокоя мордву, часто склоняя ее то в ту, то в другую сторону и часто жестоко мстя ей за подобные переметывания. Все это до такой степени истощало мордву, что конечно она не могла более отстоять берегов Волги.

Таким образом, шло расселение русских, подвигаясь все восточнее к устью Суры. В то же время луговая сторона, сплошь покрытая дремучими лесами, была почти необитаема, разве небольшими поселениями черемис. Отсюда понятно, почему движение русских шло по нагорной стороне, как более богатой, нежели луговая. С другой стороны, в этом движении сказалось инстинктивное понимание русскими того, что рано ли поздно ли покорение заволжских инородцев совершится само собою без всякого насилия, как скоро будет занята нагорная сторона Волги, уже только на основании простого закона, что с высоты легче драться и легче управлять.

В 1437 году с распадением Золотой Орды основана Казань. Факт этот имеет впоследствии весьма важное значение для всего среднего Поволжья, как факт зарождения ближайшего пункта Азиатской торговли. С этого же времени начинается оседлость Казанских татар и в присурских краях (юго-восточной части теперешнего Васильского уезда). Торговые сношения между Казанью и Москвою начались весьма рано, почти тотчас по ее основанию. В княжение Василия Иоанновича эти сношения принимают уже совершенно определенную

форму. Ежегодно в июле месяце в Казани на Арском поле начиналась ярмарка, куда съезжались купцы из Хивы, Бухары, Кавказа и всего Востока. Сюда же стали наезжать и русские купцы. Здесь в первый раз мы встречаем тот узел торговли Азии с Европою, который, перемещаясь с течением времени в разные пункты, имел всегда самое животворное влияние не только на присурских обитателей или вообще низовской земли, но и на всю Россию. Казанцы конечно уже ощущали выгоды от приезда русских купцов, но как необузданные выходцы монгольских степей не умели подчинять минутные вспышки политическим соображениям: зачастую татарский кулак и нагайка гуляли по спинам русских купцов. (10) В 1523 году, в одну из таких вспышек по словам летописца, на Арской ярмарке татары перебили до 1000 русских купцов. Вместе с ними был убит и русский великокняжеский посол – Василий Юрьевич Поджегин. Событие это, конечно весьма сильно затронуло самолюбие великого князя и его приближенных. Видя в убийстве своего посла прямое оскорбление чести своего государства и нарушение международных прав, Василий Иоаннович, по словам летописца: (11) несколько дней не выходя из своих покоев, со всем своим двором был в глубокой печали и пролил много слез. Необходимость отомстить казанцам за самоуправство вполне совпала с вековым движением к востоку, которое лежит в основе всей русской истории. И вот летом того же 1523 года Василий Иоаннович с братьями своими Андреем и Юрием Иоанновичами, с татарским владетельным царем Шиг-Алеем, вполне ему преданным — вследствие личной неприязни к Саиб-Гирею — царю Казанскому, собрав многочисленное войско, двинулся на Казань. Дойдя до Нижнего, от природы нерешительный и несмелый, Василий Иоаннович остановился. Собрав нужное количество судов и посадив на них большую часть войска под начальством князя Шуйского и Шиг-Алея, приказал им спуститься по Волге и воевать Казань. Сам же остался в Нижнем. Конницу под начальством князя Бориса Ивановича Лупина Горбатаго-Суздальскаго, Василий отправил сухим путем по нагорной стороне Волги, приказав также идти на Казань, воюя и покоряя промежуточные земли. Князь Горбатый дошел только до Суры. Время было позднее, осень быстро наступала, и судовая рать Шуйского рисковала замерзнуть среди Волги в глухой и необитаемой Черемисской земле. Поспешив воротить ее к Нижнему, полководцы Василия так и не достигли желаемой цели — Казань не была взята. Но окончание этого похода завершилось довольно важным событием, если не для отечественной истории, то для истории присурского края.

Трудно сказать, конечно, на сколько вообще поход князя Горбатаго можно назвать войною: предыдущие события убеждают нас, что пространство между Окою и Сурою было уже настолько закреплено во власти русских, мало того - настолько заселено ими, что, казалось бы, и воевать было не с кем. Однако Горбатый очевидно желал придать своему походу победоносное значение. Если

мы можем предположить где-либо более или менее важное столкновение, то это у устья Суры. Правый берег ее был еще в полной власти черемис. Для того чтобы завладеть им, вероятно, потребовались если не жертвы, то, во всяком случае, значительные усилия со стороны русских. Это предположение тем более вероятно, что есть предание (8), будто при слиянии Суры с Волгою жили когда-то черемисские князья, у которых был деревянный дворец, окруженный рвами и валами. На вершине горы у самого слияния Суры с Волгою действительно виднеются остатки рвов и валов, окружающих площадь, среди которой виднеются также в довольно правильном порядке ямы — знак древнего жилья. Постройка зданий среди двора в характере черемисских поселений. Место это теперь называется «Цепелью». Далее по Волге на восемь верст ниже в лесу — также остатке какого-то весьма древнего сооружения, состоящего из вала, образующего правильный круг, так называемое «Чертово городище». Есть предание, что в Анненском озере, находящемся неподалеку от этих мест, — утонула какая-то черемисская княжна. Все эти отрывочные известия и остатки сооружений, конечно, не могут нам воссоздать истинное представление о столь давней эпохе, тем более что даже время этих сооружений не определено в точности. Но приняв их во внимание, мы можем с достоверностью предположить, что в XVI-м столетии при слиянии Суры с Волгою были укрепленные поселения черемис.

Перейдя Суру и завоевав правый берег ее, князь Горбатый сейчас же построил укрепления, состоявшие из вала и острога (14); это было необходимо для закрепления всего пройденного им пути. Подле укрепления, помещенного им на берегу Суры, под горою он основал город с церковью и оставил небольшой охранительный отряд для защиты его от черемис. Город этот назвал он, вероятно из желания сделать угодное великому князю, в честь его имени Васильевым Новгородом. В Софийском Временнике (12) так говорится об этом событии: «В лето 7032 (1523) месяца Сентября Государь Великий Князь Василий Иоаннович всея Руси повел на Суре Новгород поставить». Далее (13) Нижегородский летописец говорит: «... и поставиша на Казанской земле на устье Суры при Волге город и создаша в нем церковь во имя Пресвятыя Богородицы Честнаго Покрова, да два придела — Архистратига Михаила и Николая Чудотворца». Таким образом, совершилось основание Василя в 1523 году.

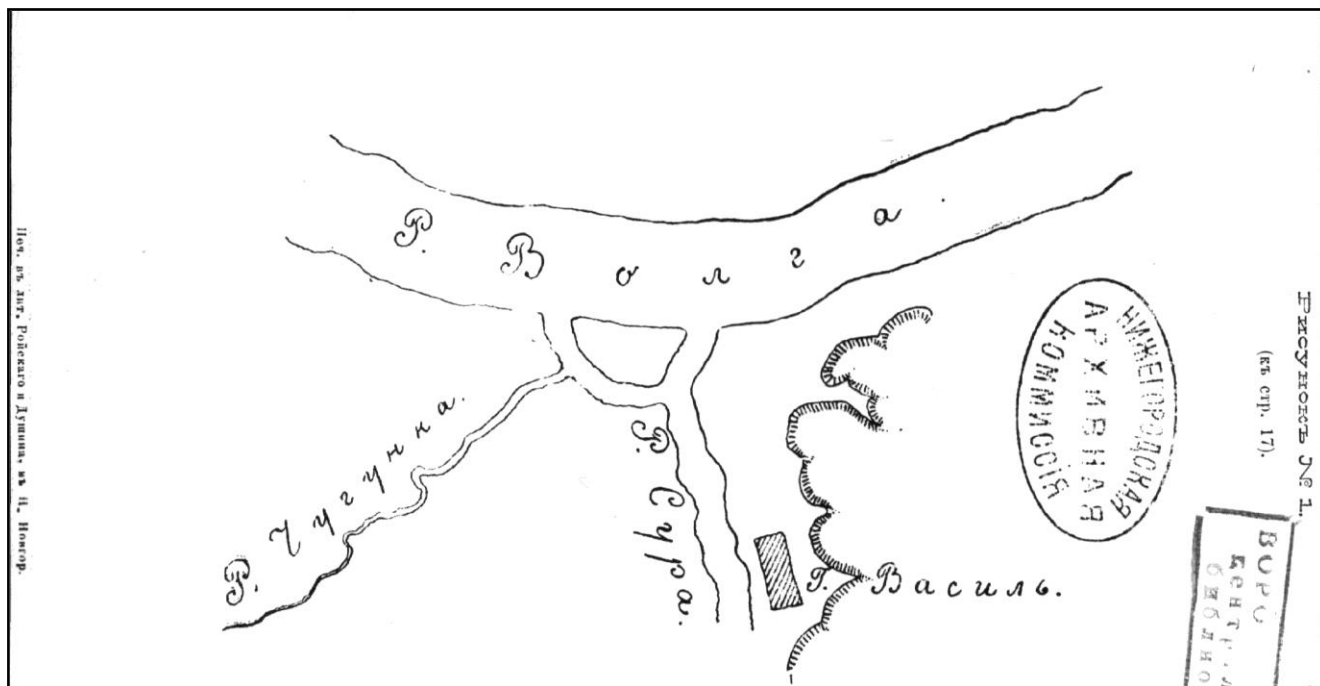
Г. Соловьев, верно, объяснил факт построения Василя намерением стать твердою ногою на земле Казанской. Действительно это было только намерение и ничего более. Крепость, стоящая под горою и действующая против неприятеля, стоящего на горе, крепость без пути отступления, так как в тылу ее — река, разливающаяся во время половодья на восемь и более верст; крепость, к которой непосредственно примыкает лес — лучшее прикрытие для неприятеля — вряд ли могла выдержать даже ничтожный натиск и незначительной неприятельской шайки. Такова была Васильевская крепость.

Трудно себе представить, чтобы у князя Горбатого, бывшего наместника в Новгороде и Пскове, бывшего впоследствии членом Думы, наконец, вождя, на которого возлагается столь важное поручение, — было так мало стратегических соображений и даже просто здравого смысла. Единственно чем мы можем объяснить подобные действия со стороны князя Горбатого — это, как упомянуто выше, существование на этом месте уже готового укрепленного поселения черемис. Сознание, что выбор места Василя, как сторожевой твердыни всей Русской земли, был неудачен, высказывалось уже современниками. (15) Одни говорили, что Василий ничего своим походом не достиг, и поставил только на земле неприятельской (16) „Лукно“. Другие говорили: «ино как ся помирити ино было поставити на своей стороне, ино бы льзе миру быти». Герберштейн в своем *Regum Moscovitarum commentarii*, говорит, что впоследствии крепость в Василе была источником многих зол. Приближенные же к Василию вельможи, и сам митрополит, вероятно в угоду великому князю, высказывали уверенность, что этим городом будет взято все Казанское царство. Последующие события нас убедят, что уверения этих вельмож были не вполне основательны.

Совсем иное должны мы сказать о положении Василя в промышленном отношении. Слияние двух судоходных рек, из которых одна издревле была главнейшим путем сношений Европы и Азии; прекрасное местоположение с обилием плодородной земли, богатых, пойменных лугов, крупного строевого леса, и при всем том изобилие рыбы, дичи и меду — все это обещает Василю в будущем важное значение в промышленном отношении. Приступив к оценке местоположения Василя посмотрим также какими естественными явлениями сама природа окружала первые годы его существования.

(18) Если вы поедете в настоящее время по Волге и вас попросят точно определить положение Василя, то вы наверно скажете, что он стоит на правом берегу Волги у впадения в нее Суры. А рядом с этим Софийский Временник говорит, что Василий Иоаннович повелел на Суре Новгород поставить. Нижегородский летописец говорит, что Василь поставили на устье Суры при Волге. Карамзин весьма точно и внимательно выражавший исторические события, говорит, что Васильев Новгород был поставлен на Суре, не упоминая ни слова о Волге. Наконец само название, данное народом: Василь-Сурск — все это указывает на то, что или прежний Васильев Новгород был построен выше по Суре и перенесен впоследствии, или местность, окружающая Василь до такой степени изменилась в силу каких-либо естественных явлений, что город, построенный на Суре при впадении ее в Волгу, очутился на Волге у устья Суры. Первое предположение не имеет ни каких доказательств, напротив, второе почти достоверно и не лишено интереса. Г. Рагозин в своем исследовании Волжской системы ясно установил законы течения Волги и ее притоков. На основании этих законов существование за Волгою против теперешнего Василя множества озер

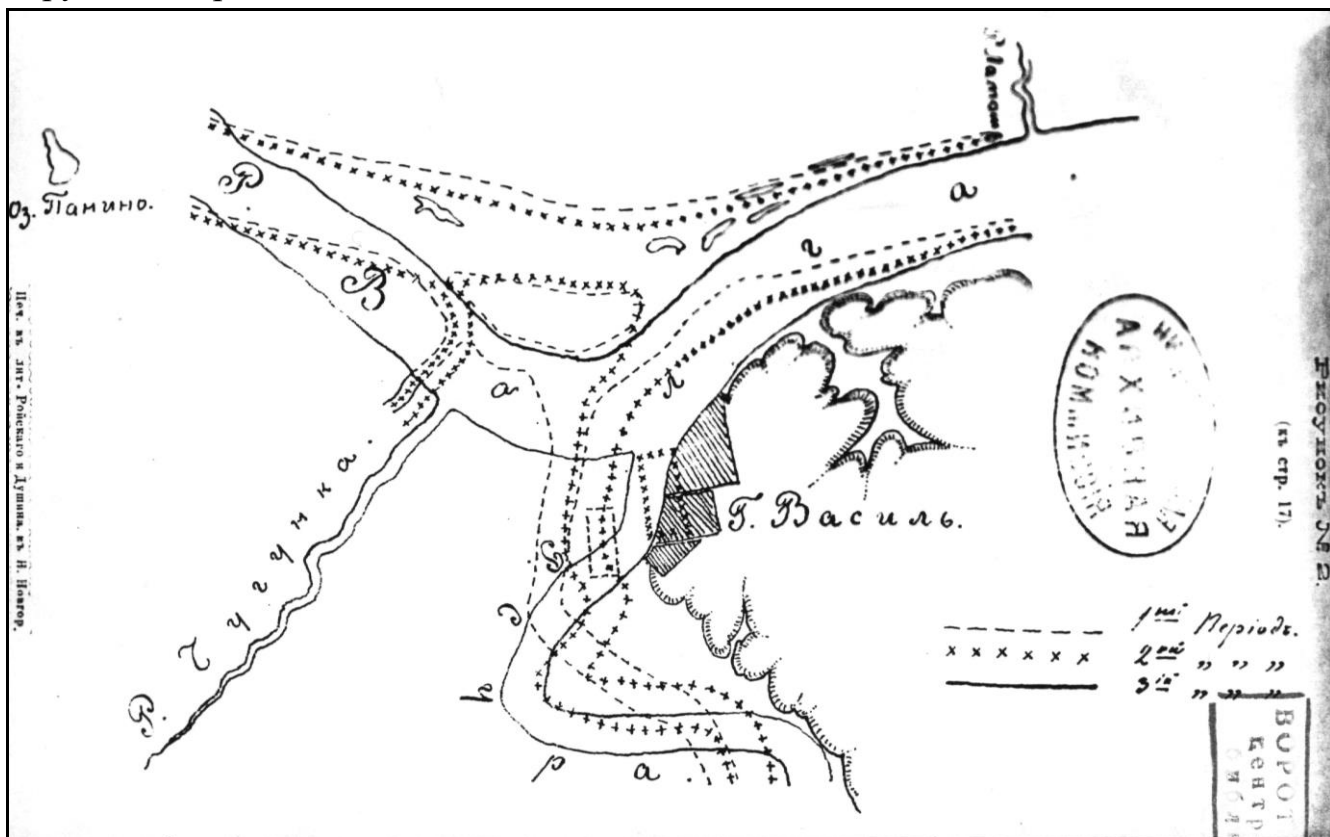
удлиненных, но направлению параллельному течению Волги (оз: Луково, Лопатино. Винное, Большой Найден, Малый Найден, Неловчее и Зауморино) указывает нам на то, что некогда Волга текла в этом месте гораздо севернее, т. е. не образовала такой крутой луки, какую видим ныне от оз. Панина к устью речки Латоши, а текла по хорде этой луки. На одной специальной карте Волги

обозначено в ряду этих озер сухая воложка, которая своим названием, встречающимся во многих местах по всему течению Волги, всегда указывает на место прежнего ее коренного течения. Если это так, то понятно, что слияние Суры с Волгой некогда было севернее, т. е. не в вершине луки, образуемой теперь Волгой, а где-либо на линии ее хорды, проведенной от озера Панина к устью Латоши. Отсюда ясно, что место теперешнего Василье некогда приходилось не при слиянии Суры с Волгой, а несколько выше по Суре. С другой стороны, и за Сурую множество озер Офонкино, Старица, Старый Сурк, Сурка, Сурочка, Нижняя и Верхняя Старица, Молебное, Старишинское, Кривое, Плотное, Безымянное, Медянское, Большое Деяновское, также продолговатых параллельно оси ее течению указывают, что прежнее течение Суры было гораздо западнее теперешнего. Не только на глазах истории, но и на наших глазах мы видим постоянное перемещение Суры к Востоку, при чем она ежегодно рвет Васильский берег и заставляет жителей переползать по горе все выше и выше. Такому разрушению правого берега Суры помогают и ключи, вытекающие из всей Васильской горы и подмывающие землю. Эти два явления, как следствия законов перемещения оси течения Волги к югу и Суры к востоку, со временем совершенно изменили эту местность. Сура, отрывая от правого берега землю выносила ее в Волгу, где откладывая материал образовала дельту. Чертеж рек в этот период показан на следующем рисунке.

С течением времени, в силу стремления Суры к востоку левое русло ее засорилось; сначала образовалась мель, а затем мало по малу и сама дельта приросла к матерiku. Полуостров этот, возрастая все более и более, настолько оттеснил Волгу от нагорной стороны, куда именно влекло ее собственное стремление, что, наконец, Волга не выдержала и сделала проран в бывшем левом русле Суры, избрав его своим фарватером. Таким образом, остров, нанесенный Сурую, очутился среди Волги, причем левое русло ее стало в свою очередь мелеть и, наконец, совсем высохло, образовав сухую воложку и прикрепив бывшую дельту Суры к заволжскому берегу. Прилагаемый чертеж этих трех периодов нагляднее всего объяснят эти перемещения.

Само собою разумеется, что мы не можем сказать, насколько быстро и постепенно совершались эти явления, хотя думаем, что эти явления совершались на глазах русских. В этом нас убеждают, во-первых, известия о построении Василя, а затем и то, что между названием озер Волжских и Сурских нет ни одного мордовского и черемисского, тогда как есть много названий речек и озер и даже деревень в Васильском уезде, в именовании которых слышится корень нерусского происхождения.

Итак, все эти выводы приводят нас к тому, что первоначальный Васильев Новгород приходился не у самого слияния Суры с Волгою, но несколько выше по Суру, а дальнейшая его история, к которой мы теперь возвращаемся, покажет нам, что он был, кроме того, и западнее теперешнего.

Первое время, вероятно вследствие беспорядков в самом Казанском царстве, татары, занятые своими делами, не трогали Василь-Сурска. Благодаря этому,

Василь как будто удовлетворял своей цели. Но вероятно вскоре было понято насколько опасно положение Васильского охранительного отряда, в случае нападения татар. Василий Иоаннович приказал поставить в Васильевом Новгороде каменную крепость, о чем и сообщает нам, как очевидец Барберини, путешествовавший в 1565 году.

Еще помня оскорбление, нанесенное убийством Поджегина, Василий Иоаннович запретил, под страхом жестокого наказания поездки русских купцов на Арскую ярмарку и назначил место торга с восточными купцами в Васильевом Новгороде. Василий хотел, конечно, этим подорвать торговлю казанцев и вместе с тем обеспечить своих купцов. Но был ли когда-нибудь этот торг в Василе с достоверностью неизвестно. Вместе с тем Василий не покидал мысли и о завоевании и самой Казани: в 1524 году, 1530 и 1532 гг. проходили через Василь войска Василия, но всякий раз возвращались, не достигнув цели. В 1535 году был низвергнут с Казанского престола и убит Дженалий, который был предан Василию и даже принимал в Нижнем присягу в верности ему. В отместку за поступок с Дженалием были собраны снова войска и под начальством князя Гундунова и Василия Замыцкого были посланы на Казань. Подойдя к Суре они, по словам летописца (Царствен. книга), «нашли на смыгу татар». Гондунов и Замыцкий, встретив неожиданно татар у Василя, постыдно отступили, не дав бою. Казанцы безнаказанно прошли вплоть до Нижнего, ограбив все села, взяв много пленных, удалились обратно. В течение следующих десяти лет то и дело татары нападали на восточные границы, так что почти непрерывно присылались к Василю войска для отражения этих набегов.

В 1551 году через Василь Волгою на ладьях проследовали стрельцы и казаки под начальством князя Серебряного и Шиг-Алея, посланных Иоанном IV для нового приготовления к осаде Казани, уже задуманной Иоанном и назначенной в следующем году. Придя к устью Свяиги, князь Серебряный основал здесь город Свяжск. Построение этого города утвердило в руках русских весь правый берег Волги вплоть до Казани и, следовательно, Василь перестал быть крайним городом. Построение Свяжска таким образом совершенно аналогично с построением Нижнего и Василя — это был третий и последний шаг к завоеванию Казани. С основанием его смирилась черемиса. Еще новый кусок Волги отошел во власть русскую и русский элемент все более и более стал преобладать над инородцами среднего Поволжья.

В 1552 году Иоанн Грозный с многочисленным войском двинулся в Муром, оттуда пройдя через Арзамас к Казани, он осадил ее и, благодаря храбрости войска и полководцев своих, взял Казань. 18 октября васильцы любовались с берега победоносным возвращением Грозного на судах по Волге. Многочисленный двор полководцев и вельмож, а также многочисленное войско ему сопутствовало. Таким образом пала Казань, а вскоре и Астрахань. Целых два

царства - Казанское и Астраханское с Волгою вплоть до Хвалынского моря учинились под державную руку царя Иоанна Васильевича. С этим вместе почти окончились и беспрестанные набеги татар на присурское население, которые не давали возможности до сих пор возникнуть на этих местах каким-либо зачаткам благоустройства. Если мы имеем некоторые данные предполагать, что Василь относительно процветал в это время (например, г. Кудрявцев в своей истории, основываясь на рассказах очевидца плана времен Иоанна Грозного, говорит, что в Василе было в то время семь церквей), то это процветание конечно было возбуждено искусственно исключительным значением Василя, как сторожевого форпоста, с удалением этой причины падает и значение Василя.

ГЛАВА II.

История нынешнего Васильского уезда в первом периоде представляет хаотическое движение разных племен, в котором на первом плане выступает борьба за право владения землею: так сказать, дележ земли между племенами. Эпоха мрачная и тяжелая! Результатом ее было то, что население Васильского уезда составилось из трех национальностей. По всей почти нагорной его части, по берегам Волги, Суры, Урги и Имзы расселились русские. В юго-восточном его углу в небольшом количестве основались татары (Моклоково, Мурзиха, Елховка, Базлово, Шеменеевка, Андреевка). Наконец в северной его части, то есть за Волгой, остались черемисы. Таким образом, главная основная народность Васильского уезда стала русская. Поход Иоанна Грозного имел важные последствия в этом отношении: известно что Иоанн весьма довольный подвигами своих полководцев, после взятия Казани роздал им по пути много земель. С этого времени появились вотчинные владения во всем этом краю. Есть предание, что в это время возник Воротынец, который будто бы был дан в вотчину Иоанном своему любимцу и сподвижнику князю Воротынскому. Сейчас же после этого похода начинается и внутреннее устройство этого края. Василь в 1555 году был причислен к вновь утвержденной Казанской епархии. Первым Архиепископом был избран Гурий. Таким образом, и христианство, проникнув в Казань, начинает быстрыми шагами заполнять под свое знамя все молодое, едва покоренное, среднее Поволжье. Городами стали управлять воеводы. (20) Первый воевода, который нам известен, — князь Иван Бехтеаров Ростовский (в 1554 году), При Васильской крепости в те времена небольшой комплект стрельцов и артиллерии, состоящей из двух-трех пушек. К этому же времени следует отнести известие о существовании в Василе семи церквей. К 1556 году относят страшное несчастье постигшее Василь-Сурск. Сура рядом сильных натисков на правый берег устья разрушила главную и лучшую часть города. Каменная крепость, частные дома, церкви одна за другой были разрушены и поглощены волнами разлившейся Суры. В это же время была разрушена и первая церковь, основанная князем

Горбатым. Народ глубоко сожалел о потере этого памятника старины и украсил предание о ее разрушении поэтической легендой, которую и приводим ниже.

Крепость, уничтоженная водою, была восстановлена 3-го августа 1556 года, но уже на горе, на месте теперешней Цепели, (21) все частные постройки также перебрались на скат горы, образующей несколько террас. Масса оврагов и рытвин, маленьких ключей, прорезывающих гору, а также сама крутизна горы — представляли чрезвычайно неудобное место для внутреннего сообщения в городе, особенно в дождливую пору, когда глинистый грунт горы распушался в вязкую и густую массу.

За смертью Иоанна Грозного наступает тяжелое время смутной эпохи, которая мучительно отозвалась и во всех уголках русского царства. Хотя Василь в те времена был лишь небольшим посадом, но и ему пришлось претерпеть ужасы восстания. Предание говорит, что Василь отразил напавших на него «воров». Доныне существует легенда, соединившая воедино два события, которые поразили фантазии народа; разрушение любимой церкви, основанной Горбатым, и спасение Василя от «воров» самозванца. (22) Задолго еще до Никоновой порухи, повествует легенда, было на Руси ляхолетие... Гришка расстрига на православное царство Литву и Ляхов навел. Города, села пожигали, церкви рушили, святые иконы на щепы кололи, всякой святыне ругались. Поднялась заодно с ними некрещеная сила: мордва, черемиса, татарва. Подошла та окаянная сила к Васильсурску. Ратных людей было там мало. Васильгородцы не чая спасения, переплывали обоютом Волгу и в лесах от огня и меча укрывались. Ратные же люди вышли из города на врагов, нимало победы не чая, мученический венец прияти желая. Но простер Господь десницу свою и пред малым числом благоверных воев врознь побежали орды незнающих Бога. Взятая в полон черемиса поведала васильгородцам: от того де они побежали, что перед ними на белом коне появился страшный видом чернец и пламенным копием их, врагов имени Христова, поражал немилостиво. Когда же полоняники восхотели святого крещения и были приведены в Васильгородскую церковь, возрев на икону преподобного отца Варлаама Хутынского, познали старца пламенным копием их поразивша. Слыша таковое Божие о граде смотрение, васильгородцы Богу хвалу приносили, преподобному Варлааму пели молебны, и все радости были исполнены ради спасения своего града от иноплеменных. По мале же времени многие от них в вере пошатнулись, престали в церкви Божией ходити, поучение от священного чина принимать, и едва сорок человек остались в граде, помнивших Бога Господа и не забывших Бога и святой его веры. И ради того сорока не попустил Господь до времени тому граду погибнути... Настал праздник Господень Преполовенье день. В церковь те сорок человек пришли иные же в бесчинных игрищах и мирской суете пребывали. И когда по окончании Божественной службы благочестивые крестным ходом пошли на Волгу воду святить, двинулась за ними

и церковь Божия, пред нею же икона преподобного Варлаама Хутынского шествовала никем не носима. Когда же пришли к берегу, Волга река расступилась, как широкие врата растворялася, принимала в свое лоно людей благочестивых и шедшую за крестным ходом церковь, и по воздушным ходящую икону преподобного Варлаама... И всемогущего Бога силою люди и церковь перенесены за Волгу в леса, на озеро Нестиар. И до сих пор там живут невидимые в обители невидимой". Хотя предание это говорит о храбрости воинов, вышедших отражать врагов, но есть другое (23) известие, что васьильский воевода Хрущов (1604 года) один из первых признал Лжедмитрия I сыном Иоанна Грозного.

В 1606 году шайки передовых посланцев Лжедмитрия II-го (Тушинского царька) наводнили Присурье и все окрестности. Состоя большею частью из оборванной сволочи беглых нищих, бродяг, без чести и совести эта толпа «воров» волновала народ: то соблазняя его присоединиться к восстанию, то угрожая пытками и истязаниями. Они жгли села, уводили скот, убивали и грабили проезжающих по дорогам. Беглые холопы и крестьяне, недовольные отменой Юрьева дня, громадными толпами присоединялись к бунтовщикам. Давно уже успокоившаяся мордва и черемисы также восстали (24). Вся эта голытьба шла к Арзамасу, откуда под начальством мордвинков Варкодина и Москова двинулись на Нижний. Но намерение бунтовщиков не удалось. Князь Иван Воротынский, посланный царем Василием Шуйским, разбил у Арзамаса полчище бунтовщиков. Часть их разбежалась и ушла в стан Тушинского вора, часть же засела в Алатыре, Арзамасе и Ядрине. В 1607 году Лжедмитрий II-й, подкрепленный поляками, двинулся на Москву. Вся южная Русь ему подчинилась. За нею последовало почти все Поволжье, за исключением Нижнего. Мы не имеем исторических данных, но трудно себе представить, чтобы Василь выказал в эту тяжкую годину исключительную самостоятельность и вероятно последовал примеру Ядрина, Курмышя, Арзамаса и других соседних городов. Тогда-то суждено было Минину и Пожарскому спасти наше Отечество. Они рядом великих подвигов подавили смуты и беспорядки. Но как совершилось это, предоставим рассказывать историкам государств.

В 1613 году со вступлением царя Михаила Феодоровича на престол был восстановлен порядок, но пока лишь в ближайших к центру областях государства; отдаленные же уголки нашего Отечества кишели бунтовщиками и разбойниками. Почти все царствование Михаила Феодоровича еще полно неурядицами — следствие минувших смут. В описываемое время трудно жилось всем слоям и сословиям, но еще в худших условиях стояли инородцы. Вот как говорит об этом г. Перетяткович в своем «Поволжье в XVII и нач. XVIII века». Разность языка и веры ставила инородца в особое положение в глазах, быть может, не одних воевод, но вообще русского народа. Вследствие этого воеводы и другие служилые люди в своих вымогательствах и насилиях относительно инородцев еще менее

стеснялись, чем по отношению к русскому православному населению. «В 1639 году все племя терюхан и частью эрзян поголовно разбежалось по дремучим лесам от разорения подборщиков». Таким образом, эти воровские поселения послужили причиной образования новых центров. С другой стороны, среднее Поволжье с каждым днем все гуще и гуще поселялось. Масса крестьян и холопов, недовольных тягостями, налагаемыми землевладельцами, — бежала из северных вотчин и укрывалась в лесах среднего Поволжья. Вот что говорится в челобитной, поданной царю Алексею Михайловичу дворянами и боярами северных уездов: «как они пошли на государеву службу от них учили бегать люди их и крестьяне, а бегая их помещиков своих и вотчинников разоряют и дома их пожигают, а иных самих и их жен и детей и людей и крестьян до смерти побивают; и бегая живут в Нижнем Новгороде и Нижегородском уезде». Вследствие этой челобитной в Нижегородский уезд посылается сыщик, которому поручают ловить тех беглых людей и выбрав из десяти человек двоих бить кнутом, чтоб не повадно было бегать; высылать их обратно и велеть им там жить и государево тягло платить: посадским на посаде, а татарам, мордве и черемисе ясак по-прежнему платить сполна. Все эти меры плохо помогали, и беглые по-прежнему прибывали и расселялись в этих местах. Волга стала особенно любимым притоном разбойников: масса караванов с восточными товарами, шедших во внутрь славянских земель, представляла заманчивую для них приманку, а берега, заросшие густым непроницаемым лесом, — служили отличным средством для укрывательства. С этого то времени появились целые воровские поселения волжских пиратов, которые обыкновенно лепились по берегам против мелей и выжидали приближения караванов. Едва какое-нибудь судно сядет на мель или просто замешкает на каком-нибудь перекате, (7) грабители на легких ладьях подлетали к корме, кричали свое знаменитое: «Сарынь на кичку». Отобрав все драгоценности у хозяина судна, они отпускали его в дальнейшее плавание. Но стоило хозяину хотя немного попрекословить им, и он мог быть уверен, что или его судно будет разграблено окончательно и разбито, или он сам будет выброшен за борт. Вот где кроется причина того, почему по всему Поволжью — где мель, там против мели и село. (25) Таким же образом возникло и село Фокино против Фокинской мели, как говорят, на месте поселения какого-то воровского атамана Фоки, который тут держал разбой; село Бармино на месте поселения разбойника Бармы. Про Татинец и Слопинец создалась даже и пословица: «Татинец да Слопинец - всем ворах кормилец». Что представлял в это время собственно присурский край, трудно сказать: никаких известий о торговле, промышленности решительно нет.

(29) Воеводами в Василе в это время были: в 1614 году Осип Коноплев, в 1617 году Богдан Семенов Сабуров, в 1622 году князь Иван Княж Романов, за ним Василий Иванов Жуков, в 1626 году Федор Малыгин, у которого было 24

стрельца, а в следующем году 43, — в 1630 году Федор Кривцев, при нем к стрельцам был назначен сотник. В 1635 году Никита Борисов Колычев, при нем уже было 50 стрельцов, за ним в 1642 году Гладков.

С водворением порядка в государстве с новой силой выступает торговля России с Востоком, и хотя разбои и грабежи на Волге не переставали мешать ей, но ее естественная необходимость побеждала все препятствия. Мы не беремся в точности определять время возникновения некоторых центров этой торговли, но думаем, что около этого времени, т. е. первой четверти семнадцатого столетия возникают Маровская и Макарьевская ярмарки. В каком отношении друг к другу стоят причины их зарождения, которая из них возникла раньше и не была ли одна из них следствием другой, — мы ничего сказать не можем. Нам известно лишь то, что в эту эпоху стало существенно необходимым определиться наконец месту торговли Востока с Россией, и центр этот лег на берегах Волги у впадения в нее речек Сундовика и Керженца. С 1624 года начинает развиваться у Макарьевского монастыря ярмарка, рядом с нею торговое село Лысково; думаю, что около этого же времени в 25 верстах, у другого монастыря (в Васильском уезде) возникает Маровская ярмарка. Возникновение этих торговых центров оживило все Поволжье; они дали особый смысл и характер жизни всего окружающего населения.

История Маровскаго монастыря весьма туманна. Он стоял неподалеку от речки Имзы, между теперешними селами Вазьянкой и Саблуковым. Когда и кем был он основан—неизвестно. Первое известие о нем относится к 1642 году, но он был тогда уже в полной силе. В селе Прудыщах находится и теперь синодик этого монастыря. Первые страницы его посвящены поминанию в Бозе почивших Великих князей, начиная с Владимира Святого и кончая царями Феодором и Иоанном. Все писано одной рукой, исключая имени царя Алексея Михайловича. Далее Петр и следующие монархи, очевидно, записывались современно кончинам их. Нам кажется, что синодик этот должен быть отнесен ко временам Михаила Феодоровича, хотя имена царей Феодора и Иоанна были писаны одной рукой с предыдущими и только имя Алексея Михайловича, как будто, вставлено другой рукой. Тем не менее мы осмеливаемся предположить, что писавший имена Феодора и Иоанна просто искусно подделался под руку предшественника. В синодике перечислено до тысячи имен иноков. В конце синодика находим позднейшую приписку, писанную скорописью: в сей святой обители, именуемой Мары (30), во времена святейшего Патриарха Иосифа (Иосиф поставлен в патриархи в 1642 году) Московского, было монашествующих при игумене Павле более восьмидесяти человек от коего патриарха на вознаграждение Соборных церквей Честнаго Креста Господня и Архистратига Михаила через своего Маровскаго иеромонаха Макария получено денег серебром пять рублей. Кроме того, в Прудыщах есть Евангелие, вероятно полученное впоследствии из

Маровскаго же монастыря. Евангелие это печатано в 7143 году при патриархе Иосифе, то есть также при Михаиле Феодоровиче. Все это убеждает нас, что монастырь Маровский при Михаиле Феодоровиче уже существовал, а, следовательно, основание его восходит в гораздо древнейшую эпоху, то есть, вероятно, в область XVI века. Теперь является вопрос, откуда могло явиться подобное цветущее состояние монастыря? (Фундаменты церквей Воздвижения Креста Господня и Архистратига Михаила виднеются теперь; толщина стен в полтора аршина, длина церкви Воздвижения достигает двенадцати сажен, а ширина - семь сажен. Известно, что теперешний монастырский Ватрас принадлежал Марам. Бедный монастырь не мог иметь таких сооружений. Мы знаем, что окружающая местность, даже в начале нашего столетия, была настолько дика, что во многих местах в буквальном смысле слова оставалась непроходимой; сплошной лес тянулся от Лыскова вплоть до устьев Урги. Ни городов, ни богатых сел в окрестностях не было, да и Волга была не под самой рукой монастыря. Очевидно, что обогащение его зависело от какой-либо исключительной причины. Многие уже не раз высказывали предположение, что Маровская ярмарка есть та самая, которая была учреждена по приказанию Василия после запрета ездить русским купцам в Казань. Хотя нам известно, что великий князь приказал производить торг в Василе, но с другой стороны мы уже сказали, что нет никаких данных утверждать, что приказание было исполнено. И действительно, Василь мало обеспечивал безопасность ярмарки и гораздо вероятнее, что она возникла в местности более укрепленной во власти русской. Таким образом, как будто оправдывается выставленное нами предположение, что монастырь обогащался Маровскою ярмаркою и что эта ярмарка в начале XVII века существовала. Но вопрос этот мы оставляем открытым и думаем, что он заслуживает более научного исследования. Вообще история этого монастыря чрезвычайно мало разработана, — мы еще раз обратимся к ней в последствии и тогда постараемся более подробно познакомить читателей с этой святыней.

(26 и 27). В 1646 году в Нижнем был построен голштинцами корабль «Фридрих» для торговли с Персией. В это время, как мы говорили, была масса разбойников по всей Волге, так что корабль был вооружен пушками и множеством ружей. В июле месяце голштинцы проплыли по Волге к Астрахани. Эта идея понравилась царю Алексею Михайловичу, вследствие этого по его приказанию в 1669 году у Нижнего на Оке было сооружено судно, снабженное огнестрельным оружием. Это военное судно было названо «Орлом» и было предназначено для очищения Волги от разбоев, но год спустя эти разбои не только не были уничтожены, но приняли грандиозные размеры. Снова вспыхнуло восстание, живо напомнившее только что пережитую Смутную эпоху. Донской казак Стенька Разин завладел всем низовьем Волги и шел на Москву. Снова смуты и бедствия. Клевреты Разина разносили прелестные грамоты,

соблазнявшие народ, везде стараясь возмутить крестьян и холопов. Василь и на этот раз не сумел устоять перед смутами и принял живое участие в новом восстании. (28) В 1670 году увлеченный примером соседнего городка Козмодемьянска Василь возмутился. Васильский воевода, услышав, что в Козмодемьянске воеводу убили, ожидая и себе подобной же участи, постыдно бежал за Волгу. В отсутствие его бунтующие васильцы начали грабеж. Прежде всего, принялись за казенные деньги, которые расхватили по рукам. Тут же сожгли все грамоты и дела, бывшие при производстве. Вероятно в это же время были разрушены острог и деревянная крепость. Для усмирения бунтовщиков был послан князь Барятинский. Когда он казнил 60 человек в Козмодемьянске, то трусившие васильцы вышли к князю с повинною. Поступком этим васильцы смягчили сердце Барятинского, но своими смутами навсегда низвели свой город на степень ничтожного городка. С этого времени в Василе снято воеводство, крепости не стало, артиллерию вывезли, и Василь, отличавшийся прежде хотя этой военной арматурой от простого селения, утратил и эти последние признаки своего прежнего значения. (29) В 1681 году дворов в Василе было всего — 93; земли, которые принадлежали Василю по Суре, были перечислены в Браминскую дворцовую волость; луга отняты; лес, принадлежавший также ему, вырублен мятежниками прошлых годов; торгов и промыслов не было никаких; крепостные акты и документы были частью сожжены, частью растеряны; вместе с тем соседние черемисы, воспользовавшись смутами, отобрали у васильчан много меж и граней. Словом, Василь представлял самую жалкую картину нищеты, и для него это была самая тяжелая эпоха, потому что никогда, не смотря на все невзгоды, он не падал до такого страшного состояния бедности и безжизненности. К этому присоединился неурожай на хлеб, продолжавшийся три года.

В эту эпоху конца XVII столетия подле Василя возник монастырь. У речки Хмелевки в лесу поселились какие-то отшельники; во время смутной эпохи являлось много желающих отрешиться от света и потому мало по малу здесь возник монастырь. Сначала он назывался Троицкою пустынью, а за сим и Троицким мужским монастырем, так как пустынниками была сооружена и церковь. (31) Грамотами царей Алексея Михайловича и Федора Алексеевича даны были этому монастырю рыбные ловли, мельница и пристань. Монастырь этот самый красноречивый свидетель тяжелого нравственного состояния умов и надорванной жизни смутной эпохи.

В сфере религиозной начинался также разлад. За пересмотром церковных книг и исправлением их патриархом Никоном, явился раскол. Приволжское население почти сплошь отошло к нему, составившись из постепенного слияния русских и финских племен, оно всецело включило в свои религиозные верования суеверия последних и еще издавна приготовило почву, благоприятную для раскола.

ГЛАВА III

Со вступлением на престол Петра Великого как во всем государстве, так и в его отдельных частях наступила новая эра. Переменились времена и в нашем присурском уголке. Пахнуло и на него дуновением западной цивилизации, так животворно пробудившим в те времена наше отечество.

23 Мая 1695 года васильские жители увидали с берегов своих - необычайное зрелище: по Волге приближалась невиданная масса судов на девяти паузках, в стройном порядке размещались пушки, ядра, фитили и другие принадлежности пушкарского дела, за ними двигалось 77 стругов, на которых размещались в колоннах полки; далее шло новое отделение, состоящее из полусотни слишком судов, также с пешими полками — казалось судам и войску конца не будет. Каково же было удивление васильцев, когда они узнали, что сам Великий Петр ведет полки свои к Азову. Паузками с артиллерией и первым отделением, состоявшим из полков Преображенского, Семеновского и стрельцов — командовал Головин. Вторым отделением: полками Лефортовскими, Стрелецкими и отрядом царедворцев, командовал сам Лефорт. Великий монарх с войсками прошел мимо Василя. Но в 1722 году в мае, во время своего нового похода в Персию, Петр осчастливил Василь своим посещением. Он заехал сюда вместе с императрицею. Гений его не пропускал ничего без внимания: заметив подле Василя дубовую рощу, он пожелал лично осмотреть ее. Убедившись в ее достоинствах и богатствах, он ее заповедал, приказав оберегать и подсаживать деревья. Есть предание, что он сам собственноручно посадил одно дерево. Таким образом, весь бор, идущий от Василя по правому берегу Суры и углубляющейся в Казанскую губернию, взят в казну и до сих пор представляет значительное богатство, обеспечивающее материал для судостроения. Вернувшись из Персидского похода, Петр вспомнил Васильскую корабельную рощу и пригласил туда иностранцев, умеющих расчищать и разводить леса. Иностранцы Зингер и Фаленшиль прибыли в Василь в 1727 году уже по смерти Петра Великого. Они получили звание вальдмейстеров и другие почетные и весьма доходные привилегии. Явившись в Васильскую корабельную рощу, они так чисто расчистили ее, что когда в 1797 году адмирал Рибас ревизовал их работы, то увидел, что все лучшие деревья вырублены, а карманы Зингера и Фаленшиля весьма плотно набиты продуктами оной вырубки.

(62) 18 декабря 1708 года Петр Великий указал разделить всю Россию на восемь губерний. Василь был приписан к Казанской губернии, но в 1719 году 20 мая воспоследовал новый указ, по которому губернии были разделены на провинции и Василь был причислен к Свяжской провинции Казанской губернии.

Общегосударственные реформы Петра Великого коснулись Васильского края наравне со всеми частями нашей Империи. Поэтому мы упомянем лишь о их последствиях: однообразная администрация и более тесная связь между высшими

и низшими учреждениями, глубже вдвинула общественную жизнь нашего уголка в область государственную. Расселение по уезду стало правильнее; земли были уже разграничены настолько определенно и точно, что не представлялось возможности той хаотической борьбы за землю, какую мы видели в первом периоде нашей истории. Вотчинная система закрепляется; бесприютная шатающаяся часть населения, поднятая смутными эпохами, осаждается. Возникают новые поселения. Например: у Троицкого монастыря подле Василя образуется целая слобода, которая, благодаря прекрасному местоположению, быстро разрастается; слобода эта стала называться Хмелевкой. Хотя жители ее никогда не становились в зависимость от монастыря, тем не менее, пользовались отчасти монастырскими доходами; кроме того, рыболовство, садоводство и огородничество доставляли хлеб этим новым поселенцам. В самых селах замечаются признаки повышения благосостояния. Появляется масса церквей. Все церкви в Васильском уезде стариною своею не восходят далее XVII и XVIII столетия. В 1708 году была построена в слободе Хмелевке каменная Троицкая церковь, — одна из самых древних в нашем уезде. Впрочем, монастырь этот просуществовал недолго, всего до 1764 года, когда и был упразднен по неизвестной причине.

22 мая 1767 года васильцы и все прибрежные жители Волги любовались величественным зрелищем: императрица Екатерина II совершала свое знаменитое путешествие по Волге. (9) Императрица помещалась на галере «Тверь», с нею были фрейлины Авдотья Полянская и Елизавета Штакельберг, графы Чернышевы, Орловы, Шувалов, посланники: австрийский — князь Лобкович, прусский — граф Сольмс, испанский — виконт дела Герерх, датский — Ассбург и Шведский — барон Рибенг. Все это размещалось на великолепных судах. Галера «Тверь», на которой находилась сама императрица, представляла громадное весельное судно, в задней части которого помещалась рубка с комнатами государыни и фрейлин. Вся рубка и борта галеры были украшены дельфинами, над рубкою высилась золотая Императорская корона. Свита ехала на пяти галерах: «Волга», «Ярославль», «Казань», «Углич», и «Кострома». Затем шли экипажные суда «Симбирск», лазаретное «Ржев», «Владимир», провиантское «Новгород», и, кроме того, два судна «Лама» и «Севастьяновка». Предание говорит, будто бы Императрица вышла в Василе на берег и удостоила посещением дворянина Петра Шипилова. Предание это добавляет, что Шипилов угощал государыню обедом и сам сел за отдельный стол. Когда государыня спросила его, почему он, будучи хозяином, не садится за ее стол, то он ответил: «нынче, матушка государыня, день постный, и мне старику скоромиться не прилично». В 1768 году через Васильский уезд проехал Иван Лепехин, доктор-адыюнт С.-Петербургской академии наук: он был послан с научной целью для исследования внутренних провинций России. Так как это самый первый

исследователь Васильского уезда, то мы и приведем его записки в подлиннике, хотя они не представляют особенной полноты...

«В селе Княгинино (нынешний уездный город) переменяв подводы при сильном дожде продолжали наш путь еще чрез 15 верст до села Троицкого, построенного на реке Урге, в котором селе и ночевали. Хотя дождь лить не переставал, однако мы, не отлагая времени, пустились в дорогу, ибо безлесные места и вспаханные поля и покошенные луга ничего любопытного не предвещали. На дороге первую встречу было нам село Ключищи, в пяти верстах отстоящее, построенное на реке Шкогморке (вероятно Шишковердке). За ним следовало село Моклоково в десяти верстах расстояния, за Моклоковым татарская деревня Моклоковка, в четырех верстах отстоящая по реке Уронге. В ней живут крещенные и некрещенные татары, однако, разделившись, и река Уронга полагает между ними предел. Различие веры делает между ними великое несогласие, так что некрещенные крещенных и обратно терпеть не могут и друг другу всякие пакости содевают. С татарами смежная деревня Мурзиха и отстоит только в трех верстах; от Мурзихи в таком же расстоянии находится село Масловка, к которому подошли реки Уронга, от Масловки до села Исакова почитается семь верст. В селе Исакове должно нам было переменить лошадей, где мы, от дождя зашед к священнику, в первый раз увидели попечение помещицы о воспитании крестьянских детей, которая на своем иждивении обучает их российской грамоте, в чем священник с причетниками руководствуете. Переменяв подводы в селе Исакове, ехали 15 верст до города Курмыша через деревню Озеровку, отстоящую от города в 9 верстах...»

Отрывок этот доносит нам весьма отрадное известие в селе Исакове в 1769 году, т. е. более ста лет тому назад Лепехин встречает и притом в первый раз — сознание необходимости образования. Если эта народная школа и не приносила особенной пользы, то одно сознание ее необходимости есть доказательство повышения нравственного уровня.

Ход этого мирного развития нашего уголка был временно помрачен появлением на его границах Пугачева. Предания о похождениях Стеньки Разина и теперь живут в народе; тогда же под свежими их впечатлениями, слыша о смутах производимых Пугачевым на низовьях Волги, уезд наш содрогнулся.

Пугачев, подняв весь юго-восток России, вызвав значительные усилия со стороны государства для подавления бунта, достиг Курмыша 20 июня. Отсюда послав войска свои в двух направлениях: по Алатырской дороге и по Нижегородской, он угрожал самому Нижнему. (34) Взяв Курмыш, он переправился вплавь через Суру. Дворяне бежали из своих вотчин. Чиновники укрывались, где могли. Простой народ встретил его с хлебом, солью и образами. Перед народом прочли Пугачевский манифест. Курмышская инвалидная команда была приведена к присяге. Начальник этой команды некто майор Юрлов и один

унтер-офицер (имя его, к сожалению, неизвестно) одни не хотели присягнуть и в глаза обличали самозванца. Их повесили и мертвых били нагайками. К Пугачеву крестьяне привели несколько дворян, он приказал их повесить. Казенное вино, добытое в Курмыше, Пугачев велел раздать чувашам. Отсюда Пугачев повернул к Ядрину и стал удаляться к Яику. Но пугачевцы заходили гораздо дальше и бунтовали народ по всему уезду. Одна старушка помещица рассказывала, что в ее детстве Емелька Пугачев перерезал всю ее семью. Она же сама была тогда грудным младенцем и спасена только тем, что кормилица во время суматохи, произведенной убийцами, схватив ребенка убежала в лес и укрылась там. Пугачевцы были и в Масловке: до сих пор жив старик, который рассказывает, что он был в поле, когда услышал, что Пугачев вошел в село и там всех режет; бросившись к Масловке он увидел, что на воротах барской усадьбы висит управляющей гг. Зыбиных. Рассказывают, что некто помещица Бузовлева была потребована шайкою в сел. Саблукове, но так как ее не было тут, то за ней послали в другую ее деревню Корево. Крестьяне ее не любили, мало того, что исполнили тотчас приказание пугачевцев, но поусердствовали и от себя: привязали свою помещицу к оглоблям кареты и таким образом пригнали ее в Саблуково. Но шайка пугачевцев, услышав об отступлении Пугачева, бежала, не дождавшись Бузовлевой, и только благодаря этому она спаслась от виселицы. Когда одна из таких шаяк шла на село Быковку, то быковские крестьяне решились дать ей отпор. С вилами, топорами, косами они вышли на гору к Осельскому оврагу и победоносно отразили бунтовщиков, отобрав у них пушку. Волнение, произведенное Пугачевым, было ужасное. Крестьяне, особенно раскольники, бунтовались, не хотели платить податей и оброков, грабили и убивали помещиков. Вскоре Пугачев был разбит и стал быстро удаляться к Кубани, думая бежать в Персию, но был схвачен и доставлен в Москву. Волнение, произведенное Пугачевым, улеглось не скоро, то и дело ходили толпы его клеветников, возмущали разными нелепыми толками народ и разносили манифесты самозванца. Приведем для пополнения этого очерка один из таких возмутительных манифестов:

«Божьею милостию мы Петр III Император Самодержец Всероссийский и пр. и пр. и пр.

Жалуем сим именным указом с монаршим и отеческим нашим милосердием всем находящимся прежде в крестьянстве и подданстве помещиков быть верноподданными рабами собственно нашей короне и награждаем древним крестом и молитвою головами и бородами, вольностью и свободою, вечно казаками, не требуя рекрутских наборов, подушных и прочих денежных податей, во владения землями, лесными, сенокосными угодьями и рыбными ловлями и соляными озерами, без покупки и без оброку; освобождаем всех прежде чинимых от злодеев дворян и городских мздоимщиков, судей крестьянам и всему народу

налагаемых податей и отягощений, и желаем Вам спасение душ и спокойной в свете жизни, для которой мы вкусили и претерпели от предписанных злодеев дворян странствие и немалые бедствия.

А как ныне имя наше властию Всевышней Десницы в России процветает, того ради повелеваем сим нашим именованным указом кои прежде они дворяна противников нашей власти и возмутителей империи и разорителей крестьян — ловить, казнить и вешать и поступать равным образом, так, как они, не имея в себе христианства, чинили с своими крестьянами, — по истреблении которых противников и злодеев дворян, всякий может восчувствовать тишину, спокойную жизнь, какая до века продолжаться будет. Дан июля 31-го дня 1774 года: Петр».

Вот, например, рассказ каким образом трое из таких разнощиков манифеста Пугачева были пойманы...

(11) „он (Пугачев) за Волгою возмущал и разорял жительство; пробирался он к городу Нижнему, надеясь там из множества бурлаков не малым числом умножить себе сообщников. Сказывали, якобы из находившихся при нем яицких казаков, послал он от себя нескольких наперед в село Фокино на берегу Волги лежащее (ниже города Нижнего на 30 верст(?), с тем, чтобы тутошних крестьян, принадлежащих дворянину Демидову (Прокофию Акинфиевичу) прежде других возмутить и привлечь в свое согласие, но оные, не отдавшись в обман, поймав оных возмутителей и связав, отвезли в Нижний, которых тамошний г. губернатор, генерал поручик и кавалер Ступишин, повеся, пустил на плоты на низ Волгою рекою и сею строгостию тамошних жителей и успокоил, да и сам Пугачев, узнав, что ему в Нижнем удачно быть не может, намерение свое идти туда отменил и обратился вместо того к городу Алатырю”.

Таким образом, Васильский край перенес пугачевщину — это была последняя вспышка народного волнения, после чего устанавливается уже ничем ненарушимое спокойствие. Указом 7-го ноября 1775 года Екатерина II вводит в управление новую систему наместничества. Вследствие чего в 1779 году Василь с окрестными землями отходит к Нижегородскому наместничеству и становится уездным городом. Открытие уездного города Василя было в 1779 году 30-го декабря и происходило по какой-то причине не в самом Василе, а в селе Спасском. Это деление на уезды дает нам приблизительную цифру населения уезда в те времена; так как деление на уезды было по числу жителей, от 200 тысяч до 300 тысяч в каждом. Представителем администрации для открытия города был послан полковник Белокопытов. Тогда же с определением новых прав дворянства является в Василь уездный предводитель дворянства. Первым был выбран Петр Шипилов. Вместе с тем Васильский уезд получил герб, состоящий из щита, разделенного горизонтальной линией пополам; в верхней части щита герб губернии, то есть олень, бегущий в право, с рогами о шести ветвях и с черными копытами; в нижней части собственно герб Васильского уезда: на золотом поле

остов корабельной кормы. Вероятно, мысль этого изображения вызвана главным значением Присурского края — корабельной роцей или судостроением, которое в те времена процветало в Василе.

(37) В 1798 году васильцы опять имели счастье видеть своего монарха, на этот раз императора Павла Петровича. Император ехал вместе с великими князьями Александром и Константином Павловичами и с довольно большой свитой в Казань для смотра Оренбургской дивизии. Шествие государя не было настолько блестящее как знаменитое путешествие императрицы Екатерины. Государь, очевидно, старался проследовать как можно скромнее; он ехал на лошадях, так как Волга была в разливе. (8) Остановившись на время в Чугунах для завтрака, поезд государя прибыл в Василь. Народ и васильские депутаты вышли к нему на встречу. «Всем ли вы старики довольны?» - спросил государь.

«Всем бы, Ваше Величество, да вот лугов нет», - ответили депутаты.

Государь справился у своих приближенных, близости казенных дач, и когда ему указали на одну из них, государь всемилостивейше пожаловал ее городу. Отсюда царский поезд тронулся к Емангашской станции по Казанскому тракту.

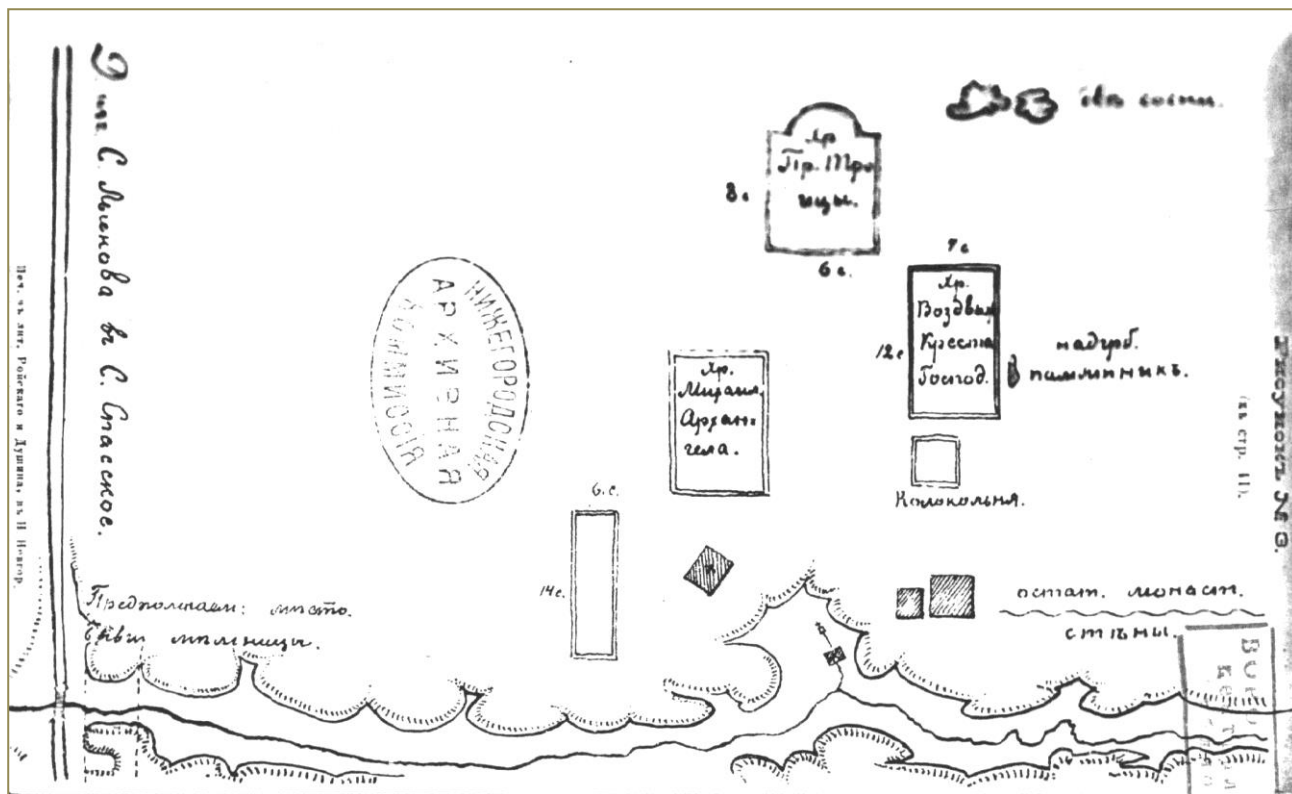
В 1796 году в Нижнем Новгороде был губернатором Иван Саввич Белавин, ему принадлежало село Чернуха Макарьевского уезда; желая вероятно обогатить своих крестьян, он выхлопотал разрешение перевести Маровскую ярмарку в Чернуху, где она находится и по сие время. Следствием этого было окончательное падение и, наконец, закрытие Маровского монастыря. Есть предание, что была попытка перенести ярмарку в ближайшее село Прудичи, но почему-то это не осуществилось. Действительно Маровскому монастырю в те времена приходилось постоянно бороться то с татарами, то с разбойниками. Так, есть предание, что при слиянии Имзы с Ургою были непроходимые леса, что в этих лесах исстари жили разбойники. Один из таких грабителей по имени «Галанька», в продолжение долгих лет жил на этих местах и подобно соловью - разбойнику караулил Казанскую и Симбирскую большие дороги и не давал проезду. До сих пор около этих мест видны ямы и земляные насыпи — место их землянок. (38) Однажды нашли в земле железный бердыш, вероятно некогда бывший в руках у этих разбойников. Эти то разбойники время от времени навещали Маровский монастырь и грабили его. Конечно, при таком положении дела и при отсутствии какой-либо защиты он долго существовать не мог. Говорят, что после одного из таких погромов один затворник Никита задумал перенести обитель на противоположный берег реки Имзы, вероятно чтобы быть поближе к более населенным местам. Но едва он переселился туда, как во всех окрестных селах стали родиться мальчики слепыми, вместе с монастырем отошла и благодать Божия; тогда по просьбе прудищинских и саблуковских крестьян мысль о переносе монастыря была оставлена. Таким образом, монастырь постепенно

падал и, наконец, он был упразднен около 1780 года. (39) Вот как описано это падение монастыря иеромонахом Оранского Богородицкого монастыря Гавриилом. «В 1720 году вследствие указа Петра I, приписана была к Оранскому монастырю Кресто-Маровская Воздвиженская пустынь. Этот монастырь, находившийся в Васильском уезде на левой стороне реки Имзы близ села Быковки, основан был неизвестно когда. Тоже по недостаточности средств к содержанию приходит постепенно в больший и больший упадок, к тому же ограбленный незадолго перед тем, монастырь наконец не в состоянии был продолжать долее самостоятельное существование. По каким причинам и чего ради этот так обнищавший монастырь приписан был к ней, богатой пустыне, этого мы не знаем, а известно только то, что с этого времени Оранская пустынь очутилась еще более в стесненном положении. Средств пустыни едва хватало на содержание собственной братии, между тем, нужно было кормить вновь поступивших, одевать, обувать и вообще доставлять им все нужное к существованию. Угодья Маровской пустыни были слишком не велики. Пахотной земли было всего 9 десятин во всех трех полях и сбор хлеба был очень незначителен: 8—14 четвертей ржи и 3—11 четвертей пшеницы. Сенных покосов было сравнительно больше; кроме оврагов, находившихся под монастырем и на пахотной земле, у него были еще луговые угодья по реке Имзе, так что ежегодный сбор сена простирался до 50—60 копен, почти столько же сколько и в Оранской пустыне. К денежным статьям дохода принадлежали рыбные ловли на Суре и ее озерах в устье реки Курмышки, но эти ловли были обложены громадною казенною пошлиною 19 руб. 5 алтын и 5 денег, так что собственно в доход монастыря поступало не более 3 руб. и только. Средства очень и очень недостаточный, когда приходилось пропитываться ими 20 человекам, каков был наличный состав монастырствующих Маровской пустыни в это время. Если и в Оранской пустыни при 20 человеках братии недоставало местных монастырских средств для пропитания, когда при том средства эти составляли количество в пять раз больше средств Маровской пустыни, то в каком положении должны находиться Маровские монастырствующие? Вкладчиков и доброхотных дателей у них не было, а если и были, то в слишком незначительном количестве и недостаточной мере для покрытия потребных расходов. С закрытием же пустыни прекращался и этот источник дохода; значит, почти вся тяжесть содержания их падала на Оранскую пустынь, и не маленькая тягость, когда дело шло о кормлении слишком 20 человек. Бог весть какие доходы. Очевидное дело, что при таких обстоятельствах нельзя было и думать о принятии их всех в число братии Оранской пустыни, и как ни сильна была во святой обители вера на помощь Богоматери, но в таком крайнем случае, когда для всех ясна была невозможность прокормить так много народу на скудные монастырские средства, и грозил неминуемый голод, братия пустыни действительно не решалась приютить у себя

членов приписанной к ней обители.

Дело тянулось почти три года, хотя неизвестно в каком виде и каким образом, и только в 1723 году, вследствие нового указа Питирима, Епископа Нижегородского, архимандрит Оранской Исаия, ездил в Маровскую пустынь для окончательного принятия имущества и перевода братии. Вот что он писал преосвященному по окончании своей поездки: «В нынешнем 1723 году июля во 2-й день дан твой архиерейский указ мне богомольцу твоему в Кресто-Маровскую пустынь и из этой пустыни старых монахов перевести в Оранский монастырь, а Лысковских двух выслать в Духов монастырь, и Княгининские монахи пятеро просили, чтобы им нынешний урожай ржи, которой несколько посеяно на их монастырской земле — собрать и по той причине они оставлены, чтобы ржаной хлеб собран был, то в определенный монастырь хотят перейти. И в этой Кресто-Маровской пустыни велели мне взять описныя книги прежния у игумена Стефана и по тем книгам в церкви Божией, которой обретаются св. иконы и священные сосуды в ризнице ризы и книги и прочую церковную всякую утварь и на колокольне колокола и монастырскую денежную казну и жалованья грамоты и вкладную крепость за рукою вкладчика Замятина Ивана Федорова сына Левонтьева и сколько Государевых грамот в росписных книгах написано и сколько всякой посуды и в житницах хлеба и на скотских дворах сколько всякой скотины и прочее монастырские заводы тоя ж Кресто-Маровской пустыни при игумене Стефане и при прочей братии тоя ж пустыни я освидетельствовал и из книг и монахов взял в Оранский монастырь малое число того ради, что кроме монахов хлеб монастырский нынешнее лето собрать некому, а многих престарелых монахов вести трудно и белого священника в той пустыни не обретаются и на всякую церковную потребу что надлежит в церкви оставить не на кого и покамест будет определен белый священник я приказал видать в той Кресто-Маровской пустыне иеромонаху Иринарху. А когда определится священник белый в ту пустынь, то всякую излишнюю церковную утварь и монахов всех можем взять в Оранский монастырь». Был ли прислан вследствие этого донесения белый священник в Маровскую пустынь или нет—об этом сведений не сохранилось, известно только то, что из числа братии Маровской пустыни только девять человек поселилось в Оранском монастыре, и самая пустынь не была упразднена, а существовала под ведением Оранского архимандрита до 1770 года когда была разграблена и сожжена мятежною шайкою Пугачева в 1780 году; в описи монастырей Нижегородской епархии, упоминается, что от Маровской пустыни осталось только почти совершенно развалившаяся церковь во имя Воздвижения Честнаго Креста с такою же колокольнею. И ныне еще видна эта развалина, — кроме того, насыпь и надгробный камень, а местное предание сохранило память о самой печальной катастрофе, положившей конец существованию обители. Оно говорит, что монастырь был разграблен

разбойниками, настоятель сожжен на костре, равно как и другие монахи; поэтому многие приходят помолиться мученикам и берут с собою кусочки надгробного камня, как целебное средство против зубной боли».

Действительно, у развалин бывшего храма во имя Воздвижения покоится и до сих пор надгробный памятник, весь целый из дикого камня. Он едва поднимается над уровнем земли, но если вы отроете его, то увидите с одной стороны весьма интересную надпись и резьбу. Надпись прочесть для незнакомца невозможно. Сверху едва заметно изображение креста и губы. По всей вероятности, сверху были наложены металлические их изображения и впоследствии сняты. У самой паперти этого храма лежит груда кирпичей — остаток бывшей еще недавно колокольни. Говорят, что еще в пятидесятых годах нашего столетия все окрестные села постоянно приезжали за кирпичным щебнем к Маровскому монастырю; целыми возами развозились отсюда остатки этих древних построек; при этом никому не удавалось отломить себе цельного кирпича, так как известка была несравненно прочнее самого кирпича. И все, что откалывалось ломом, превращалось в щебень.

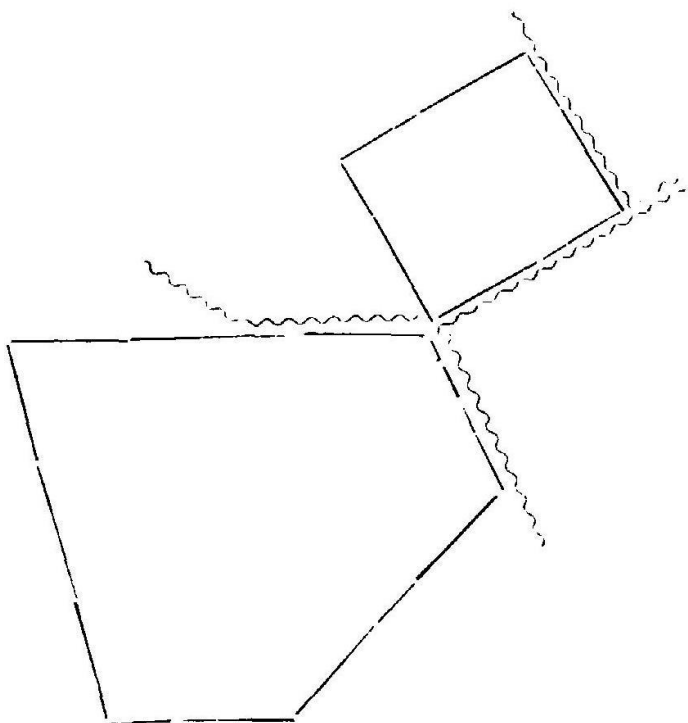
До сих пор место, где помещался монастырь, испещрено остатками каменных фундаментов, по толщине и прочности которых можно ясно судить, насколько были прочны и сами постройки. Кроме двух мельниц на Имзе у самого монастыря была запруда и водяная мельница. До сих пор в овраге бьет обильный ключ прекрасной светлой воды; над ним часовня и масса проходящего по большой дороге народу заходить испить целебной воды и помолиться угодникам на месте древней святыни. Прилагаемый выше рисунок дает приблизительное понятие о расположении бывших церквей.

В нескольких саженях от фундамента храма во имя Пр. Троицы стоят две сосны гигантских размеров, это кажется единственные безмолвные, но еще живые свидетели цветущих времен существования монастыря и печальной катастрофы, под ударами которой он пал.

ГЛАВА IV.

(40) При восстановлении заштатного города Макарьева указом 12 мая 1804 года от Васильского уезда были отрезаны некоторые приволжские селения и отписаны к Макарьевскому.

Таким образом, в 1804 году определились те территориальные границы Васильского уезда, в черте которых он находится и по сие время. Познакомившись в предыдущих главах с историей этого края, мы считаем нелишним привести здесь и все те статистические данные, которые дошли до нас от времен, предшествовавших освобождению крестьян от крепостной зависимости. Они пояснят нам, с одной стороны, некоторые исторические факты, с другой — удовлетворят главной цели настоящего очерка, т. е. введут нас в область современной статистики уезда, к которой, как нам известно, собираются приступить.

Карта Васильского уезда представляет, в общем, довольно сложную фигуру. Если ее упростить, то границы его нам представят большой пятиугольник, к которому приложен углом четырехугольник меньшей величины.

Следовательно, по фигуре он резко разбивается на две части. Но еще более резко делится он на эти две части в силу естественных, т. е. геологических, климатических, этнографических и других условий места. Большой пятиугольник, расположенный на

правом берегу Волги называется нагорною стороною; малый четырехугольник называется заволжскою, или луговою стороною Васильского уезда. Эти два названия вполне определенно выставляют различие в характере этих общих частей. Нагорная сторона представляет наклонную плоскость, повышающуюся по мере приближения к Волге. (18) Она кончается крутым обрывом, едва покрытым мелким кустарником, в толщине которого радужной лентой виднеются напластования разноцветных мергелей и песков с прослоями песчаника и

известняка. Все поверхность нагорной части уезда изрыта оврагами, между которыми возвышаются ровные плоскости, покрытые довольно толстым слоем суглинка и супеси, иногда с большою примесью чернозема; в местах болотистых и пойменных встречаются залежи торфа. Вся площадь, будучи весьма плодородна, истари стала разрабатываться под пашню, а рядом с этим шло постепенное исчезновение лесов, которыми прежде был покрыт почти сплошь весь этот край. Коснувшись геологического строения правого берега Волги, мы не упустим здесь случая выяснить причину почему весь правый берег Волги представляет крутой и очень высокий обрыв, тогда как левый ее берег, наоборот — на дальнее пространство едва превышает уровень воды. Вопрос этот очень часто слышится как среди любознательной публики — в обыденной жизни, так возбуждался и на страницах научных исследований. До сих пор ответы на него не удовлетворяли ни тех, ни других. И только в недавнее время академиком Бэрром, представлены, по-видимому, более ясные толкования этого геологического явления. Мы приведем здесь дословно это толкование, заимствованное нами из трудов г. Перетятковича: «Очевидно, говорит он, каждое место земной поверхности тем скорее должно обращаться, чем оно ближе к экватору, потому что каждое место под экватором должно совершать в сутки наибольший путь. Поэтому, если тело имеет движение в направлении к югу или к северу, то оно, кроме этого своего движения, удерживает еще и первоначальное, от кругообращения земли ему данное стремление к востоку и будет удерживать это движение, пока не встретит значительной опоры. И так, если вода течет от экватора по направлению к полюсам, то она уносит с собою более значительное стремление к востоку, нежели текущая в местах меньшей широты, — следовательно, вода в своем русле стремится к восточному берегу. Напротив, вода,двигающаяся в направлении от полюса к экватору, несет с собою гораздо меньшую скорость, чем-то место, к которому она подходит, вследствие чего она будет напирать на западный берег. В нашем северном полушарии у рек, текущих по направлению к полюсу, восточный, а текущих к экватору — западный берег — составляет правый. Следовательно, в северном полушарии в реках, текущих более или менее по направлению меридиана, вода должна более напирать на правый берег. Поэтому для всех по меридиану текущих рек в северном полушарии должно вывести закон, что правый берег более подмывает, нежели левый, вследствие чего он становится более крутым и высоким. При усиливающемся течении, усилится в том же отношении и боковой напор, и коль скоро берег не будет в состоянии сопротивляться этой силе, то он обрушится. Обрушение берегов и показывает, что напор сильнее сопротивления. На Волге сопротивляется верхний твердый, глинистый слой берега, размывается нижний, песчаный. Вот почему часть глинистых слоев, потерявши свою опору, обрушивается от времени до времени. Вообще можно сказать, что чем сильнее

падение реки (т. е. быстрее течение), чем она шире, чем рыхлее берег и чем направление течения реки более приближается к меридиану, тем резче будет различие между обеими сторонами реки.

Примеров подобных обвалов, о которых говорит Бэр, на Волге не мало: один из них мы уже видели в ужасной катастрофе разрушения Васильской церкви и крепости. Этими подробностями мы не много удалились от хода наших сравнений. И так правый берег Волги горист. Совсем обратное представляет нам Заволжская часть уезда: здесь поверхность земли образовалась из наносного песку Волги, вследствие чего она ровна, не имеет ни покатости, ни глубоких оврагов и весьма мало поднята над уровнем Волги. Ее сплошь закрывает густой лес и перемежающееся болото. Она гораздо менее плодородна, и земля почти ни где не обрабатывается под пашню. В луговой части и климат другой — здесь на горах больше ветров, температура зимой холоднее, летом жарче, воздух суше. За Волгой в лесах тихо, много туманов, дождей, да и температура гораздо умереннее. Мало того, самое население, его происхождение, характер, нравы, обычаи, в обеих частях уезда совершенно различные. Такое различие всегда налагало отпечаток двойственности и в хозяйстве, во всех управлениях уезда и тем, конечно, не мало усложняло дело. На маленьком кусочке земли в том самом месте, где углы обеих частей уезда соприкасаются — стоит Василь. Ему как будто вручена вместе с управлением и роль объединителя этих двух совершенно своеобразных клочков земли. Но тут история, как будто, подсмеялась над примирительным назначением этого города — две громадных реки отрезали его от обеих частей своего уезда. Это обстоятельство всегда парализовало в Василе ту жизненную связь, в управлении, торговле, в сношениях, которая должна быть между городом и той страной, во главе которой он становится. Василь никогда не был, да и не может быть представителем ни внутренней, ни внешней торговли своего уголка. Чтоб быть двигателем внутренней торговли надо стоять в ее центре, внешней - у ее выхода. Василь же, во время разливов Волги и Суры совершенно не достигаем, а в обыкновенное время пользуется весьма первобытными способами сообщения с окрестными селами. Он всегда имел одно лишь административное значение для уезда, и, конечно, в силу необходимости. Окрестное население волей не волей имело сношение с бумагами, чернилами, печатями и другими неотъемлемыми принадлежностями воевод и приказов. Самый факт объявления Василя уездным городом, проходивший в селе Спасском - не злая ли шутка его истории? Быть может не умышленная, но заключающая в себе глубокий смысл. Вот почему история Василя и история Васильского уезда носят отпечаток чего-то искусственно склеенного.

Тем не менее, мы знаем, что в своей истории Василь не раз поднимался в деле торговли на очень видную ступень. И, по-видимому, это противоречит, нашим предыдущим выводам. Но торговля эта всегда была в зависимости от

количества транспортируемых товаров по Суре и Волге из самых отдаленных пунктов или же от личной энергии Васильских жителей. Василь служил издавна станцией, у которой останавливались суда, преимущественно едущие по Суре. Ежегодно, едва разливались реки, целые караваны судов трогались из Симбирской губернии, нагруженные преимущественно хлебом. (8) Большая часть из них направлялась к Рыбинску. Подле Василя им необходимо было паузиться, так как по Волге до Рыбинска суда тянулись уже бичевою, бурлаками. У Василя устанавливались мачты, укреплялись снасти. При возвращении из Рыбинска те же расшивы и другие суда опять останавливались, чтоб расснаститься. Мачт уже было не нужно, потому что суда велись домой посредством конных машин. У Василя же останавливались и суда шедшие с низовьев Волги и из Камы. Иногда на Васильской пристани делалась и разгрузка и перегрузка товаров. Это движение — прилив массы судов, рабочих и судовладельцев являло две потребности: жизненные припасы для судорабочих и припасы для судов, как-то: якоря, цепи, краны для установки мачт, веревки, канаты, мачты, снасти и т. п. Вследствие этого у жителей Василя явилась собственная торговля всеми этими припасами. У многих из них были собственные суда, на которых они отвозили в Рыбинск муку, пшено, овес, соль, рыбу, чихирь и т. п., скупая все это по соседним селам и у мелких торговцев. Отвозя в Рыбинск означенные продукты, они на возвратном пути заезжали в Нижний; скупали здесь якоря, цепи, железо и т. п. и везли все это в Василь и перепродавали судовладельцам. Из железа же сами выделяли принадлежности для рыболовства и кое-какие мелочи для судов. У берега Волги стояли несколько десятков амбаров, в которых хранились и продавались все упомянутые снасти. У самой пристани завязался торжок съестными припасами. И их не мало надо было для массы бурлаков и тр. рабочих, постоянно толпившихся на пристани. До 60 куреней пекли один хлеб. А на окраинах Василя и в слободе Хмелевке велось в больших размерах огородничество, продукты которого также шли на суда. Для доставки мяса на те же суда — из Нижнего пригонялись целые гурты скота, которые кололись на месте. Вместе с тем появились и свои мастера: столяры, кузнецы и слесаря разного рода. Гостиный двор состоял из 6 лавок каменных и 20 деревянных. Множество амбаров, шалашей, будок виднелись по всему берегу. Одно время существовал даже канатный завод. Все описанное нами относится к 20 годам нашего столетия. Таким образом, эта торговля развивалась до 60 годов.

До пароходства - самым древним судном на Волге была расшива, которая двигалась или помощью громадного паруса или тянулась бичевою грудью бурлаков. В 1819 году некто Пуа-де-Бард получил привилегию на 10 лет на коноводные машины (утверждают, что идея их украдена этим иностранцем у известного Нижегородского механика-самоучки Кулибина). Коноводная машина состояла из конного привода, приводившего в движение ворот, на который

навертывался длинный канат, оканчивающая якорем. Впереди ее шла лодка (завозня), обязанность которой была завозить вперед на довольно большое расстояние и закидывать якорь; такие суда двигались до крайности медленно (2 вер. в час). Караван, вышедший из Астрахани весной, приходил в Рыбинск осенью, а не то и на следующую весну. Одна такая коноводка подымала до 250,000 пуд. В 1846 году начало развиваться пароходство, а рядом с этим постепенно стали исчезать коноводки и расшивы. Пароход быстрый и легкий на ходу не останавливался по целым неделям для перегрузок, а прямо без отдыха стал прицеплять баржу и отводить ее на место назначения. Таким образом, торжок, возникший в Василе, потерял свое значение. Бурлачество исчезло; мачты, паруса и другие снасти теперь стали не нужны. И Василь быстро обеднел и с тех пор более не поднимался.

Независимо от только что описанной нами торговли Василя у него была своя собственная, коренная статья промышленности. С древних времен известна на Руси сурская стерлядь. Не брезговали ей и за царским столом. В Суре в былые времена была масса этой рыбы. Кроме того, ловились хорошо: осетр, белуга, белорыбица, сом, судак, лещ и язь. Кроме Волги и Суры, под Василем множество озер, в них добывалась мелкая рыба — окуни, ерши, щуки, налимы, лещи и т. п. Рыбу эту коптили, вялили или живую отправляли сотнями пудов на Нижегородскую ярмарку и в Москву — летом в прорезях, а зимой в особенно устроенных сосудах. Особенную роль играла в этой торговле стерлядь. Стоит посмотреть на глаза петербургских гастрономов, когда они увидят живую, жирную, янтарную сурскую стерлядь. Несмотря на то, что воды Волги и Суры у Василя смешиваются, тем не менее, сейчас можно отличить стерлядь, пойманную в волжской или сурской воде. Сурская стерлядь светлее, жирнее и слаще. (41) Народ в одном поверье говорит, что на Суре и стерляжий царь живет. В глубокой яме на дне Суры стоит его устоище. Вся яма его убрана самоцветными камнями и жемчугами. Тут же живет его жена—водяная русалка. В ясные лунные ночи выходит она на камешек «золотым гребнем зеленая волосы расчесывает, а осударь-то круг ея ершится, хвостом по воде похлопывает, о белу ногу ея трется»...

С пароходством и падением торговли уменьшился в Василе и спрос на рыбу. Рыбы от чрезвычайной ловли в прежние годы стало меньше, с исчезновением мастерских рыболовные снасти стали дороже.

В цветущую эпоху Василь-Сурска поднялся в нем и уровень образования. Является школа, по началу стряпчего Зарницина собрана была сумма с городского общества 3491 рублей ассигнациями. В 1819 году на эти деньги было открыто двухклассное училище. Это училище, явившееся в эпоху весьма раннюю, когда еще едва—едва начинали учреждаться они по уездным городам — существует и поныне. Впоследствии оно, конечно, несколько раз

преобразовывалось. В 1830 году к нему был прибавлен третий класс, и оно обратилось в уездное училище. Долговременность его существования и самое его появление, вызванное усердием самих жителей, есть лучший признак, насколько вообще благосостояние жителей Василя было повышено развившейся торговлей.

(8) Около 1820 года построен в Василе теперешний Покровский собор. Он воздвигнут на сумму 12,057 р., отпущенную от правительства. В этом соборе замечательна чудотворная икона Варлаама Хутынского. На ней надпись: «Лета 7150 (1642 г.) сию икону Алексей Фадеев Шапов поставил».

(8) Этому цветущему положению Василя сильно мешали пожары: в 1815 г. пожар истребил половину города, в 1839 г. пять пожаров один за другим уничтожили все постройки города. Убытки, понесенные жителями, простирались до 200,000руб., но, несмотря на это город, благодаря торговле, всякий раз оправлялся и снова перестраивался.

(3) Мы приведем ряд статистических данных, характеризующих экономическое положение Василя в последние годы перед освобождением крестьян. В городе было (в 1860 г) 2565 душ обоюбого пола (1309 мужчин), из числа их 92 купца, 1279 мещан, 4 цеховых, 75 ремесленников, 85 рыболовов по Волге и Суре и 8 по заволжским озерам.

Рыбы ловилось на 1300 руб. Выдано свидетельств: купеческих 26, крестьянских 24. На пристани погружено товару на 67 судов -214323 пуд. на 91942 руб., разгрузилось 7 судов — 38870 пуд. на 27912 руб., перегружено 18 судов — 165893 пуд. на16575 руб. В городе — 1 церковь, 450 домов, из них 6 каменных, 19 лавок, 1 уездное училище, 1 городская больница на 12 кроватей, базар. При городе земли 3876 дес.; заводов и фабрик не было. Доход города 5000 руб.

Итак, Василь — не есть истинный представитель того края, во главе которого он поставлен, но не имеет органической, живой связи с ним, и вполне безучастен к судьбам своего уезда. Но в уезде должны же быть какие-либо центры, которые сами собой, естественным путем, стали двигателями промышленности? Такими селами явились в нагорной части село Спасское и Воротынец, в заволжской — Юрино.

Село Спасское стоит в центре уезда. (3) Это одно из самых древних его сел. Как сказано выше, оно основано в 1399 году, как говорит предание, по почину какого-то отшельника, поставившего у ключа часовню с образом Спаса. Около этой часовни стали селиться постепенно разные пришельцы. Мало по малу возникло поселение, постепенно разраставшееся. Далее предание говорит, что однажды задумали спасские крестьяне выстроить церковь, но что денег на церковь у них не было. Они решились идти к Масловскому помещику просить его перевести года на два к ним в деревню бывший тогда в Масловке базар, чтобы на доходы с этого базара построить церковь. Помещик согласился. В Спасском базар

так пошел хорошо, что остался тут навсегда. Жители Спасского не только выстроили одну церковь, но в скором времени и другую обе деревянные. Впоследствии они сгорели. Так рассказывается о происхождении, базара в Спасском.

Кроме еженедельного базара в Спасском издавна были 2 ярмарки. (42 и 43) Но главная торговля Спасского — основана на ином: его окружают села: Ватрас, Турбанка, Тубанаевка, Быковы горы, Антоново, Новая деревня; все они с давних времен служат, так сказать, пригородами Спасского. Зажиточные крестьяне из всех этих селений отправляются по окрестным селам своего уезда и по селам Казанской, Вятской, Симбирской и Пензенской губернии, иные заезжают даже в Сибирь. Везде, где только можно, они скупают шкуры зверей и домашних животных: медведей, лисиц, собак, волков, кошек, белок, хорьков, зайцев и т. д. Все это свозится в Спасское, где распродается кожевным заводчикам.

В Спасском и окрестных селах, особенно в Тубанаевка — масса кожевных заводов; здесь выделываются сыромятные кожи и уже выделанными отправляются на Нижегородскую ярмарку, в Москву, Петербург, а также в Арзамас, Тамбов, а остатки в Богородск Горбатовскаго уезда. Шерсть идет на выделку кошм, и на конопатку зданий; мерлушки и кошки отвозятся в село Мурашкино; опоек в Катунки Балахнинского уезда. Кости идут на клееварные заводы. Кроме того, Спасское с окрестными селами скупает воск, мед, пух, перо, конский волос, щетину, сало, холст и в свою очередь перепродает или на Нижегородской или на Маровской ярмарках, или же развозит по заводам, нуждающимся в этих сырых товарах. Кроме того, спасские купцы торгуют хлебом, живностью, дичью и лаптями. Торговля эта ведется издавна. Она всегда имела одно замечательное свойство—постоянство, и не поддавалась никогда таким колебаниям, как, например, мы видели то в торговле Василя. Спасское всегда было самым населенным пунктом в уезде. В нем много капиталистов, и с давних пор появились порядочные каменные постройки, придавшие ему слегка городской вид. В первой половине нашего столетия построена большая каменная церковь. В ней замечательный иконостас, перевезенный из Нижегородского Спасо-Преображенского кафедрального собора, как говорят, купленный там в начале 50-х годов. Напрестольное Евангелие — также весьма древнее, печатанное в 1657 году.

На сколько Спасское является представителем внутренней торговли Васильского уезда, на столько Воротынец есть представитель торговли внешней. Мы уже говорили во 2-й главе о происхождении Воротынца. Воротынец по положению своему, так сказать, восполняет то, чего не достает в Василе. Он стоит у Волги, хотя не на самом берегу, но пристань его находится всего в 3-х верстах на р. Чугунке (здесь когда-то был у д. Чугунов, завод чугунолитейный, — отсюда вероятно и названия села и речки). Речка эта во время половодья заливается

Волгою, а потому к пристани могут свободно подходить баржи. (45) Воротынец был всегда исключительно хлебною пристанью. Все хлеба из ближайших мест Васильского, Ядринского, Курмышского, Сергачского уездов шли к нему. Обыкновенно к декабрю сюда съезжались нижегородские, московские, тверские и другие купцы — хлеботорговцы, так называемые суммы. С помощью подбегов, т.е. мелких торговцев, они скупали хлеб. Для этого, прежде всего, нанималась квартира, непременно с амбаром, и преимущественно с амбаром на старочугунской пристани. Хлеб покупался большею частью яровой и преимущественно крестьянский. Господский шел всегда на Лысковскую пристань. Всю зиму приказчики сумм занимались отсевом хлеба и упаковкою его в кули. Обыкновенно работа эта производилась ночью; днем же подъезжали возчики и отвозили просеянный и очищенный от пыли хлеб на пристань, где их складывали в амбар, а то и просто в бунты. С наступлением весны весь этот хлеб с Старочугунской пристани нагружался на баржи и отвозился в Рыбинск по половодью. Вся эта сложная операция, т. е. подсев хлеба, упаковка, возка на пристань, иногда мелево ржи, нагрузка куля из амбаров на баржи представляла издавна громадный доход воротынским жителям; по этому они с давних времен считаются самыми богатыми крестьянами в уезде. Любопытен один факт в истории этого села. Оно принадлежало некогда графу Головину. Тут была и его усадьба. По смерти графа у него оказалось такое количество долгов, что при обыкновенной продаже его имений заплатить их не было никакой возможности. Опекою или наследниками решено было ходатайствовать о Высочайшем разрешении разыграть имение покойного графа в лотерею. Разрешение последовало. Воротынец был оценен в известную, очень высокую сумму, и каждый лотерейный билет пущен был во 100 руб. Таким образом, Воротынец был разыгран и достался одной кухарке, солдату и дворнику, взявшим один билет сообща. Впоследствии Удел купил у них его.

И так Спасское есть по преимуществу центр внутренней промышленности сырыми материалами. Воротынец — пристань и притом исключительно хлебная. До освобождения крестьян почти рядом с Воротынцем в Макарьевском уезде была другая пристань Лысково, которая делала гораздо более крупные обороты. Сюда шли все лучшие господские хлеба и по преимуществу рожь. Говорят, что лучший хлеб считался в Лыскове Васильский и притом хлеб шедший с левого берега Урги и Имзы. Он был особенно бел и ровен. В виде статистического добавления к этому очерку приведем здесь таблицу цен на хлеб, продававшийся на Лысковской пристани с 1805 г. по 1854 г. Таблица эта составлена по приходо-расходной книги Василия Львовича Демидова и может характеризовать отчасти постепенность в повышении цен на хлеб в Васильском уезде.

ТАБЛИЦА
постепенного повышения цен на хлеб в Васильском уезде

Г о д	Рожь		Пшеница		Арнаутка скороспелая	Овес		Ячмень	
	р.	к.	р.	к.		р.	к.	р.	к.
1805	3	55	5	60		2	50	-	-
1806	4	5	5	-		1	90	—	—
1807	6	—	7	-		2	50	—	—
1808	—	—	9	50		2	67	—	—
1809	6	40	9	80		2	8	—	—
1810	7	85	12	25		3	60	3	75
1811	7	50	12	-		3	55	4	50
1812	9	—	16	50		5	35	—	—
1813	9	70				6	—	6	30
1814	11	—	—	—		5	90	8	25
1815	11	75	—	—		5	85	11	25
1816	12	—	—	—		5	—	9	50
1817	—	—	—	—		—	—	7	—
1818	10	—	—	—		4	—	—	—
1819	8	—	—	—		4	—	—	—
1820	10	—	16 сеп.	50		4 сеп.	25	—	—
1821	12	15	15 сеп.	—		4	65	—	—
1822	9	—	17 сеп.	—		4 сеп.	—	—	—
1823	9	72	16 сеп.	—		5	40	—	—
1824	10	80	21 сеп.	60		4 сеп.	21	-	—
1825	8	20	14 сеп.	50		4	—	—	—
1826	—	—	13	—		5	—	—	—
1827	—	—	11	—		4	53 3/5	—	—
1828	—	—	10	80		4	10	—	-
1829	6	45	11	—		5	40	-	—
1830	11	27	16	—		5	45	—	—
1831	11	—	—	—		6	98	—	—
1832	15	30	—	—		4	80	8	25
1833	27	—	17	—		10	—	—	—
1834	18	—	—	—		6	55 1/2	—	—
1835	10	25	15	—		4	67	—	—
1836	7	99 1/2	—	—		4	—	5	30
1837	9	79 1/2	12	40		3	85	5	72 3/10
1838	—	—	-	-		3	50	5	—
1839	20	-	-	-		8	8	11	10
1840	18	50	-	-		5	70	9	75
1841	17	-	23	-		9	25	12	5
1842	11	25	-	-		4	25	7	50
1843	8	40	15	-		4	85	6	65
1844	7	52 1/2	12	25		5	50	5	85
1845	10	50	13	40		7	25	8	75
1846	12	10	-	-		8	10	8	85
1847	12	25	15	-		7	-	8	85 1/2
1848	16	80	18	2 1/2		-	-	8	75
1849	11	13	-	-		-	-	6	65
1850	11	20	20	-		-	-	9	45
1851	10	-	14	77		5	1/2	6	82 1/2
1852	8	40	14	52 1/2		4	20	6	12 1/2
1853	9	80	14	-		5	25	7	87 1/2
1854	8	40	-	-		5	42 1/2	6	82 1/2

Познакомившись с главными торговыми пунктами Васильского уезда и уяснив себе их деятельность, мы видим, что Васильский уезд по преимуществу был всегда земледельческим. Последние года перед освобождением крестьян (1860 г.) под пашнями в Васильском уезде было 149871 десят. Хлеба не только всегда доставало на продовольствие жителей, но он всегда вывозился. Кроме хлеба в большом количестве разводился лен, а в южной его части и конопля. Из этих материалов приготавливались судовые снасти: канаты и веревки. В 1860 году в уезде было 5 канатных и 4 прядильных завода. Садоводство также давным-давно стало развиваться по всем селам, особенно в приволжских селах — Фокине и Сомовке. В садах обыкновенно виднелись кое-где и пчельники. Особенно хорошо велись пчелы у черемис за Василем. Что касается до лугов, то, вообще говоря, нагорная сторона Васильского уезда всегда была бедна ими. Лучшие луга были у Василя, по правому берегу Суры. (3) В 1860 году считалось в уезде лугов 17000 десятин. В это же время лошадей в уезде было 23400, рогатого скота 19727, овец 49497, свиней 11892. Гораздо большее пространство было покрыто лесами, а именно 125440 десят., из коих 52941 десят. строевого, но леса эти преимущественно на левой стороне Волги.

Вся заволжская сторона, бедная пашнею, жители ее почти исключительно заняты лесными промыслами — выделкою телег, колес, осей, тканьем рогож и мелкими изделиями на токарных станках. (3) В 1860 году в Васильском уезде считалось 196 заводов, производивших товару на 123000 рублей; из них 62 кожевенных, 24 овчинных, 19 клееваренных, 5 канато-прядильных, 2 винокуренных, 3 воскобойных, 1 стеклянный (в сел. Юрине), 21 кирпичный, 4 прядильных, 1 горшечный, 8 поташных, 6 свечных, 5 солодовенных, 3 рогожных, 1 шерстобойня, 17 красильных, 14 маслобойных.

В заключение мы должны сказать, что с прекращением тех беспорядков, которые в прошлом столетии сковывали малейшие проявления промышленности — Васильский уезд всегда был одним из самых передовых уездов Нижегородской губернии в деле оживления сельской промышленности и этим достиг того, что почти нет места в губернии, где бы крестьяне пользовались таким достатком, как здесь.

ГЛАВА V

Мы уже сказали, что Васильский уезд по преимуществу земледельческий. До освобождения крестьян здесь было много сел как удельных, так и государственных крестьян, но громадное большинство их было в вотчинном владении помещиков. Таким образом, нам бы следовало теперь выяснить каким представлялось в ту эпоху экономическое состояние как мелкого крестьянского хозяйства всех трех видов, так и крупного — помещичьего. Но если бы мы взяли за эти вопросы, то они потребовали бы весьма обширного изложения и долгих непосильных нам исследований. Поэтому, чтобы восполнить этот пробел,

мы приводим здесь биографию одного из вотчинников предшествовавшей эпохи, в которой хотя на единичном и исключительном примере, мы познакомимся с системой помещичьего хорошего хозяйства и даже отчасти с крестьянским хозяйством и его отношением к помещику. Кроме того, мы очень рады воспользоваться этим, чтоб приобщить к историческому очерку Васильского уезда биографию того человека, который для многих из его жителей должен быть памятен и по своим личным высоким качествам и думаем, что жизнеописание людей бывших представителями в известную эпоху в данной местности даже необходимая принадлежность ее истории. Так как нигде ход просвещения и развития края в каком бы то ни было отношении не стоит в такой тесной зависимости от отдельных личностей, как в скромной деревенской среде.

Около ста лет тому назад, в Васильском уезде поселился человек, который, почти не соприкасаясь с официальной службой в уездных учреждениях, тем не менее в течении 50-ти слишком лет стоял во главе его и своим примером — строгой жизнью, трудом и заботами о населении успел на долгое время повлиять на склад жизни если не всего уезда, то всех окрестных сел и деревень. Мы говорим о Василии Львовиче Демидове.

Василий Львович Демидов родился в 1771 г., воспитывался в морском кадетском корпусе. В 1788 г. участвовал в сражении против шведов у острова Гогланда, в 1791 году на корабле Навархия дрался против турок. В 1798 году после продолжительной болезни и неудачной операции, с разрешения отца своего Льва Прокофьевича он оставил службу и по приказанию его поселился в селе Быковке Васильского уезда. У Льва Прокофьевича были большие вотчины здесь и за Волгою, на Ветлуге, управление всеми этими имениями он поручил сыну. Имения эти были не только без всякой организации, но едва обитаемы; большая часть земли была покрыта дремучими лесами, порослью, болотами. По переезде в деревню, Василий Львович с энергией принялся приводить все в порядок, расчищать пашню и луга, разбивать поля, сады и огород. Вскоре он закрыл винокуренный завод, бывший в Быковке: с одной стороны в виду того, что с обложением его казенными пошлинами, он становился мало доходным, с другой из личного отвращения к пьянству, которое он постоянно и упорно преследовал.

Полевое хозяйство у Василия Львовича было трехпольное, но не менее он сеял и кормовые растения. Если в них он еще не видал одно из средств к улучшению земли непосредственным разрыхлением почвы, за то отлично понимал их превосходство в откармливании скота. Он начал сеять дятловину (клевер), эспарцет и люцерну. Все эти посевы представляли новинку в здешнем краю и чрезвычайно интересовали Василия Львовича. О результатах опытов как посевов, так и кормежки скота он постоянно и аккуратно сообщал в Москву своему отцу. Отец же в свою очередь в письмах всегда помогал ему и советами и участием. Лев Прокофьевич был и сам очень умный, образованный и опытный

человек в особенности в деле садоводства. В начале же своего хозяйства Василий Львович в первый раз сделал опыт посева картофеля, который до того времени в этой стороне не был известен: ему прислал как редкость Лев Прокофьевич всего несколько клубней. Картофель принялся отлично. Василий Львович берег его больше всего и мечтал как о весьма заманчивой возможности впоследствии употреблять его как корм для скота. Усовершенствованных полевых орудий в те времена не знали; соха да борода заправляли всем делом, хотя зачатки усовершенствований обработки являлись и тогда. Так, на первых годах нынешнего столетия Лев Прокофьевич пишет Василию Львовичу: „а посеяв (люцерн) не худо кругляя чурбашки раз прокатить, кои комья сгладят". Вот начало применения наших теперешних катков. Василий Львович собирал с люцерны и семена, а остатки их продавал через отца в Москве по 12 руб. ассигн. за пуд. Лев Прокофьевич вскоре умер и Василий Львович, став самостоятельным хозяином, еще с большею энергиею принялся за хозяйство.

Первые годы скот у Василия Львовича велся не удачно, то одиночные случаи смерти, то падежи целого стада приносили значительные убытки. Но Василий Львович отыскал скоро причину: с одной стороны вследствие больших запасов люцерны, эспарцета и дятловины, этот жирный корм давался скотине без меры, с другой — крестьяне при недостатке средств не принимали никаких мер против падежей. Рядом умных и энергичных распоряжений Василий Львович привел все в порядок и скот перестал вымирать. Вот, на пример, приказ Василия Львовича о наблюдении за скотиной:

„Господи! избави нас всех и каждого от праведного твоего прещения и помилуй. Впрочем когда мы сами в отношениях к жизни нашей не радим, или предадимся неосторожностям, то вследствие оных, Бог по законам правды своей, попускает. Например: кто носит огонь неосторожно или в строениях разводит его неумеренно, от сего возникают пожары! В таковых и многих подобных случаях Он, как сердобольный Отец, повелевает: беды наши самими призванныя, изгонять. Например: пожар тушить, за что, чем раньше и торопливее принимаемся, тем скорее зло прекращается и менее строения погибает.

Выборный Михайла Семионов! О сем намекаю с тем, чтобы ты внушал это и нижеследующее всем крестьянам, а они бы женам и детям своим.

Слушай:

У нас в соседстве несчастье: падеж рогатого скота!

Поэтому:

Объявить всем нашим подчиненным, чтоб в те селения ходить, а паче ездить не дерзали, да и на свои дворы из заразных мест лошадей с телегами не впускали, а пастухи сторонний скот в стада свои. У кого окажется заболелая скотина, о том ея хозяин в тот же час старосте и тебе сказал бы, и скотину ту на дворе своем загнать бы в загородку, а в стадо не пускал бы. Если же на другом и

третьем дворе случится тоже, и тем сделается подозрение, что зараза в сельский скот приходит, то нимало немедля распорядись и строго прикажи тако:

1. На лугу, или в удобном месте обнести из жердей загородку, в кою овец и телят с паствы загонять для начовок, храня, чтобы ни те, ни другие не прорывались и в село не входили.

2. В околице или в удобном месте обнести из двойника загородку или стойло, в кою лошадей или жеребят с паствы загонять для ночевок, а на дворы не брать кроме для накормки тех лошадей, которыя необходимы на другой день в работу, наблюдая, чтоб из стада и стойла ни те, ни другия в село не врывались.

3. Рогатую скотину на паству не гонять, а держать на дворах, где кормить и поить, а со двора или на улицу отнюдь не выпускать.

4. Наряжать от каждого пая по человеку на день, чтоб каждый из них с раннего утра до ночи в своем участке наблюдал, чтоб ни из загоронок, ни с паствы овец, или лошадей, ни со двора скота на улице не было. Если же это случится, то первых тотчас отгоняли бы в стадо, или те загороди и стойло со взысканием твоим оплошности на пастухах, а последних, т. е. скотину на двор к хозяину, коего за спуск секи.

5. Дней через 8 или 10 окажется явно: на коих дворах зараза есть и на коих нет.

6. Тогда, т. е. дней через 10, рогатую скотину с благополучных дворов гонять по-прежнему. А лошадей и овец все пасты днем, где следует, а на ночи в загородку; на дворы же отнюдь не разбирать, кроме нужных на другой день для работы. Кто ж с неблагополучного двора скотину в стадо выпустить, того как и хозяина дома, высечь нещадно и велеть им тот час свою скотину из стада взять домой.

7. Всем хозяевам, у коих на дворе, которая скотина задумается, станет без жвачки, унылою, худо есть, а дойная и доить перестает, и тем подаст причину выразуметь, что она зачумела, то тот же час хозяин сказывал бы старосте, и тебе, а ты вели старости ту минуту взять человека в помощь хозяину, подозрительную скотину вывезть на зады двора, ее убить, подле нее вырыть яму в 3 аршина глубины, в оную скотину толкнув зарыть затаптывая. А люди выкупались бы в воде, дабы не перенести беду домой.

8. Через 10 вышеозначенных дней, хотя с благополучных дворов скотина и станет выгоняться на паству в поле, но с тех дворов, где оказывалась скотина зачумелая и была убита, прочую скотину в стадо не выпускать, без особенного господского разрешения и за соблюдением того, наблюдать строжайше; вместе с тем, для заключенной на дворах скотины, нарядом из ряду посылать накашивать травы и оную привозить, складывая на улице у калитки тех дворов, примерно по $\frac{1}{4}$ воза, или смотря по скотине побольше.

9. Исполняя верой и правдой таковыя меры предосторожности, надеяться должно, что Господь прекратит несчастье с потерей малаго числа скота. В таком случае, кто из хозяев не изменит и в самом начале хвори скотины тебе и старости объявит, то за убитую получит половинную, чего она стоила плату. Но кто изменит и о заболевании скотины тотчас не объявит, да узнается о том мимо хозяина, или скотина уже сильно расхворается, от медленнаго о ней объявления, таковым, хотя и убьют ее, но платы не дается и хозяин высечен будет; если же у кого скотина умрет на дворе, то тоже платы не будет, а хозяин будет высечен и обрит, как изменник порядка и злой дурак.

10. Земскому ежедневно с означением чисел записывать: у кого из ранних объявителей о болезни какая скотина убита, с верным наведением от других крестьян: чего она стоила. А у поздних объявителей, убитой скотины и не оценивать, но все-таки записывать".

Приписка карандашом: „Но Милостию Божиею! падеж не возникал".

С течением времени Василий Львович купил у г-жи Пашковой несколько экземпляров чистой холмогорской породы и привел свое стадо в такой вид, что оно было лучшим в уезде. До сих пор старики хозяева, помнящие это стадо, не могут без увлечения о нем рассказывать. В Быковке существовал и конный завод, хотя не большой, 6-ть великолепных жеребцов завода Гр. Орловой были приведены из Москвы для завода.

Кроме того, у Василия Львовича было громадное стадо свиней. На речке Урге он поставил водяную мукомольную мельницу. Благодаря советам и поучениям Льва Прокофьевича в Быковке в скором времени появился прекрасный яблонный сад, грунтовые сараи с вишнями и грушами великолепных сортов, которые однажды были поднесены Василием Львовичем даже на царский стол. В глубине сада была оранжерея с персиками, абрикосами, сливами и виноградом; повсюду посажены в строгом порядке, прежних помещичьих садов — кружовник, малина, смородина и другие их необходимые принадлежности. В лугах близ липовых лесов расположены были два пчельника: один крестьянский, другой Василия Львовича. Пчельник Василия Львовича достигал довольно крупных размеров; так около 1812 года, в нем было 200 слишком ульев. Лесов у него было не мало, не смотря на это, он старательно наблюдал за их сохранностью. Вырубки леса производились главным образом на крестьянские и свои надобности и притом в строгой постепенности, т. е. участками: весь лес был разбит на делянки, окаймленные лесными дорогами, по которым наблюдали полесовные за порубками. Порубки наказывались весьма строго: за сруб дерева, стоящего 1 р. бралось до 25 р. ассигн. штрафу. Но порубок никогда и не было.

Поля обрабатывались великолепно. Видя в этом основу своих доходов, Василий Львович в особенности наблюдал за ними. Все поля обрабатывались сво-

ими крестьянами. Говорить, что рыхлость почвы доводилась до большого совершенства, чем даже теперь с усовершенствованием орудий. При большом количестве скота и жирном корме, удобрение было обильное. На его приходо-расходной книге в виде сельскохозяйственного девиза написано следующее правило: «С самого начала июня под навоз десятины разрезывать в квадрат каждую на 400 куч, кои составлять из 200 добрых возов; начинать унаваживать около 5 июня и по возможности скорее запахивать и зарывать от солнца, иначе сила его пропадет». Василий Львович вначале сеял самые разнообразные хлеба, а именно: рожь, пшеницу озимую, пшеницу арнаутку, скороспелку, горох, просо, овес, белый ячмень, бор, мадию, голый овес, коноплю и т. д. Вероятно впоследствии он пришел к заключению, что многие хлеба сеять безвыгодно, так как они или не по климату или не по почве или, наконец на них нет требования. Под конец он стал сеять только: рожь, пшеницу арнаутку, ячмень и овес.

Хозяйство Василия Львовича было доведено до такого совершенства, что вероятно о нем известно стало и людям науки, потому что однажды в Быковку приехал директор Петровской академии с целью ознакомиться с его хозяйством и был в восторге от него.

Домоводство Василия Львовича отличалось замечательной организацией и порядком: погреба, наполненные солением, вареньем, молочными продуктами; подполы, наполненные фруктами, кореньями, водками, наливками и травинками своего приготовления; кладовые засыпаны сладостями и пряностями, наконец, сундуки, заваленные холстами, скатертями своего тканья — все это представляло картину необыкновенного довольства и достатка, но достатка разумного, в котором глаз наблюдателя видел ответ не на требования роскоши и неги... нет, одна лишь потребность жизни в строгом но прекрасном смысле этого слова лежали в основе этого достатка. На приходо-расходной книге Василия Львовича на заглавном листе написано следующее изречение: «Узы семейств вознаграждают естественно желание собственности и заставляют уважать ее». Под этими словами сделана рукою Василия Львовича позднейшая приписка карандашом: «а не более». Эти три кратких слова говорят сами за себя в них вылился весь смысл и характер жизни Василия Львовича. Расчетливая жизнь заставляла его считать каждую копейку, но там, где он считал и приличным и нужным показать щедрость, его, по видимому, пристрастный взгляд на копейку изобличал широкую и притом чрезвычайно чуткую натуру ко всему изящному. Приведем как пример этого постройку двух быковских церквей. Старая церковь была построена в 1711 году во имя Знамени Пр. Богородицы. В 1763 году она была перестроена, а в 1830 годах за ветхостью сломана и на месте ее поставлен памятник. В 1830 году были построены и освящены в Быковке две каменные церкви большая холодная и малая теплая; обе отличаются строгостью стилей, простотою и изяществом.

Малая церковь очень проста — в строго ионическом стиле. Она была построена Василием Львовичем без помощи архитектора.

Большая же гораздо роскошнее — в чистом коринфском стиле. Архитектор Л. В. Даль был поражен художественностью идеи, строгостью выполнения стиля и замечательной точностью и прочностью постройки. Большая быковская церковь стоила до 60000 руб. ассиг., а малая около 5000 руб. ассиг. Все расходы на церкви Василий Львович делал из своих собственных сумм. Когда же церкви были готовы, то он высказал желание, чтоб и народ по силе и возможности принял участие в сооружении храма и послал по селу кружку собирать на колокол. Когда ходившие с кружкой вернулись, то в кружке оказалось.... 1 ½ руб. ассиг.!!! От старой церкви не осталось ничего. Одно только на престольное Евангелие да апостол в малой церкви на них следующие надписи.

Надпись на Евангелии: 1705 года июля куплена книга сия Святое Евангелие на церковное строение на мирское подаяние по сбору трудолюбивых мужей Василия Григорьева да Данила Семенова по благословению преосвященнейшаго Исаия Митрополита Нижегородскаго и Алатырскаго к церкви знамения Пресвятыя Богородицы Знамения села Быковки Барминской волости.

Надпись по листам на апостоле:

1706 года июля Нижегородскаго уезда Закудемскаго стану Барминской волости села Быковки церкви Знамения Пресв. Богородицы приложено прикладу сия богодохновенная книга Апостол, а куплена на сборныя деньги а сборы собирали крестьяне Василий Григорьев Данила Семенов труждались собирали по обещанию ради душевнаго спасения и телеснаго здравия.

Заботы о церкви шли далее. Он снабдил ее всею необходимою утварью. При этом, будучи сам чрезвычайно бережлив и аккуратен, он старался внушить это и причту, охраняющему церковную утварь, и постоянно напоминал об этом, например: до сих пор в целости ящичек, в котором находятся миро, ножницы и губка которая употребляются при крещении детей. На этом ящичке прекрасным славянским шрифтом написано рукою Василия Львовича следующее: «При крещении, после действия губкою необходимо оную отжимать крепко и, не кладя в сей ящик, дать ей просохнуть, иначе ноженки заржавят, а ящичек разбухнет и расклеится. По крещении же, приложенным полотенчиком да оботрутся ноженки и скляночки чисто. Христареди, и сие наблюдайте. За что да увеселит Вас посланница Божия: совесть». Далее он установил чин богослуженья, т. е. выбрал самый простой и удобоисполнимый строй пения. Мало того он строго наблюдал за тем чтоб в церкви крестьяне стояли чинно. Все женщины обыкновенно становились слева, крестьяне справа. Он наблюдал и затем, чтоб церковь посещалась народом: постоянно вразумлял раскольников, призывая их к себе в кабинет, он подолгу беседовал с ними и многих обратил в православие. С

раскольниками он обращался кротко. Однажды во время крестного хода, когда Василий Львович шел впереди народа, с крестным ходом повстречался быковский крестьянин Шатунов — ярый раскольник. Поравнявшись с образами, Шатунов не снял шапки. Василий Львович тотчас же вышел из крестного хода и остановив Шатунова, кротко и спокойно спросил его: «Скажи Шатунов, по какой причине, встретив шествие с образами и хоругвями, ты не снял шапки?»

«Чужому Богу поклонись, свою поругашь», - отвечал раскольник.

«А разве у нас не один Бог? И если не один, то где же находится твой Бог?» Шатунов объяснил, что его Бог у него на полке.

Замечательны вообще отношения Василия Львовича к своим крестьянам. Для пьяниц, воров, лентяев — он был грозой и бичом; наоборот, не было добрее и ласковее человека для хороших людей. Прилагая все старания для того, чтобы крестьяне пользовались всевозможными благодеяниями, он не допускал никакой помехи этому и малейший проступок был оплачен по справедливости.

Вот ряд приказов его, из которых всякий читатель может сам судить насколько ясно, отчетливо и сильно сознавалось в душе его всякое общественное благо:

«Михайло Семионов! Призови к себе, бывших на повальном обыске крестьян и в услышание им вели прочитать следующее:

„Кривошев издавна, не имел о себе добраго мирскаго мнения и находился в подозрительном поведении, да и едва ли не был укоряем в воровстве. К тому в прошлом июле он обокрал Ширяева, в чем на утро же оказались верные свидетели и именно: 1-е его след, 2-е из покраденных вещей платок и холстинка, скрытые у него под печью (сам же он необыкновенно рано утром из дома уехал), почему по возвращении в село был арестован и представлен к становому. О всем том сделалось известно всему селу.

«Что ж это значит, когда становой на обыске спросил о поведении Кривошева, то Цаплин ответил, что за ним никакого худа не знает? а прочие 11 человек промолчали! Чем вместо того, чтобы помогать начальству искоренять зло, а они напротив оное укрывают и начальство затрудняют, изменяя порядку и законам!

Поэтому за измену правде, должно дать им урок, что бы таковое зло не вошло в обычай, то на первый раз взыщи для положения в мирскую рекрутскую сумму штрафа с Цаплина 20, с Салдатова, Кривошева, Суханова, Софронова, а Синицыну, Ревину, Куликову, Естифееву и Тимину дай по 100 лозанов, но если из сих четверых кто внесет за себя рубль серебром, такового не наказывай — будет с него. (Интересно, что были такие, которые предпочитали 100 лозанов). Буде же впредь кто подобно им изменит, то штрафованы будут строже. О всем оном доведи до сведения и прочих крестьян. 20 сентября 1844».

Средняго пая Надзирателю Семиону Кривошеву.

Тебе Надзирателю верой и правдой наблюдать за сущими в паю, чтоб ни кто:

1. часто и без нужды на базары не ездил, отлучившийся же по делу, обращался бы домой благовременно и ни мало не поздно.
2. Не кстати на базаре, да и дома до пьяна не напивался.
3. С подозрительными людьми: шаталами, мотами, пропойцами не знакомился, таковых ни к себе в дом не принимал, ни сам их не навещал.
4. Ни в паю, ни вне онаго не дерзал играть в орлянку.
5. Не отлучался безвременно из села, паче же ночью.
6. Не отлучался ночью и с двора своего.
7. Не продавал, ни даром не давал, ниже в милостину не подавал: дров, сена, мякины и соломы; если же двух последних у кого накопится много, то излишния для продажи испрашивал бы позволения у выборнаго, а без сего отнюдь бы не продавал. Равно свою тягловую землю в наем не отдавал, а засеивал бы сам для себя.
8. Сверх вышеозначеннаго не вдавался бы ни в какие зазорные, предосудительные для себя и вредные для других поступки, о каковых, что безчестно и дурно, о том каждому его совесть внушает.

Если же кто в кой из сих и прочих пороков впадет, то тебе под страхом суда Божия не напрасно, но и без потачки, ни мало медля о том доносить старосте и выборному. Если же они, или сам я узнаем мимо тебя, то причту к твоему нерадению о порядков, потачке распутному и измене, а потому за каждый раз взыщется с тебя денежный штраф. Марта 31 дня 1843 года.

В. Демидов.

Выборный Михайло Семионов!

Из крестьян села Покр. Майдана, некоторые испорты свои сердца и рассудки, слишком забывают веления Божии и порядки мирские, отчего почасту впадают в знакомство с людьми злочестивыми, а от сего в шатанье, к домоводству леность и развращение нравов, а всем сим порокам начало: пьянство, а конец: печаль семейством их, наказание и бедность! Если на таковое зло, паче же по заразительности от онаго, не возбудим мы своего негодования, а напротив станем к оному равнодушны, то оно возрастет до обычая, до соблазна многим крестьянам, особенно ж оплошливым и их детям к собственным бедам, а родителям и семействам их слезам. да и нам предержавшим властям: к беспокойству, бесчестию и ответам пред правительством, паче же и пред Богом. А чтоб по возможности избегнуть нам от сих угроз и те безчинства умалить, то приказываю тебе назначить человека трезваго, вернаго, умнаго, ревностнаго к благочестию, коего назови и называть: надзиратель.

Надзирателю внуши (о крестьянах осрамляющих себя зазорным поведением или пьянством, которые будут отдаваться под его бдительный присмотр), что должность его состоит в следующем:

1. Отданный под присмотр, чтобы без спроса у выборного и у него, надзирателя, не дерзал бы отлучаться на базары, ниже в какия другия селения по делам своим, а который без спроса отлучится, о таком ему надзирателю ведать и не укоснительно вотчинному начальнику доносит.
2. Который же по спросу и по дельной надобности отпущен будет, то бы он, возвратясь домой, являлся для показу себя: по летам прежде пригона стадов, а по зимам прежде сумерок, выборному и надзирателю. А если в это урочное время не возвратится или на показ себя не явит, или и явит, да будучи под хмелем, о таком доносить вотчино-начальнику.
3. Если к которому из таковых будут приходить в дом сторонние подозрительные люди, или который и без сторонних будет напиваться в доме своем до пьяна, о том доносить с приводом пьянаго к выборному.
4. Из таковых же ему надзирателю порученных, да и из прочих на них похожих, кто окажется в каком бы то ни было зазорном поступке, о таком доносить выборному.

Ныне же надзирателю под вышеозначенный надзор и наблюдение отдать мужиков: Андрея Иевлева Жаркова, Сергея Матвеева Сысуева и Ивана Дмитриева Кобякина; о чем сим подчиненным особенно объявить и с их стороны исполнение вразумить. А впредь кто из крестьян будет оказываться в подобных подлых и вредных поступках, таковых под таковой же надзирателю присмотр подчинять с запрещением им без спросов отлучаться, а прочее выполнять. С получения сего тотчас собрать сход, и на оном приказ сей внятно прочитав к сведению всех крестьян, из которых множайших добрых и любящих благочестие приглашаю, прошу и с их стороны оказывать содействие к укрощению распутств: надзирателю, выборному и мне для гонения разврата и пьянства, кои да будут прокляты. Примерами ж добраго своего жития и христианскими советами блуждающих оберегать для удерживания в вотчине или обществе своем благочестии, за которое Создатель справедливый Бог наш не оставит нас своею Благодатию и прочими добрыми спорыньями ущедрит.

27 февраля 1838.

В. Д.

Быковка.

С онаго списать копию и отдать надзирателю для твердого ведания своей должности, а подлинный держать при вотчинных бумагах.

P.S. Кто из отданных надзирателю под присмотр, раскаявшись в развратном поведении своем, придет в разум и в благочестивом житие пробудет три года безукоризненно, такового тогда похваля обласкать и из под присмотра освободить. Само собою разумеется, если опять впадет в прежние пороки, то

такового снова отдать под присмотр. Надзирателем выбран крестьянин Сергей Иванов Подгорнов.

Отдан под присмотр: 1838 года Февраля 28: Андрей Иевлев Жарков, Сергей Матвеев Сысуев, Иван Дмитриев Кобякин.

10 мая: Петр Архипов Мослов, Иван Филипов Таланов, Иван Степанов Мякишев, Афонасий Абрамов Осипов, Василий Яковлев Кривошев и Иван Козмин Мякишев.

Нельзя не обратить внимания на поземельное устройство крестьян у Василия Львовича. Начав хозяйничать в деревне он понял, что устроив солидно крестьян, он увеличит их средства, а этим самым и средства помещика. Основываясь на этом взгляде, он распределил землю таким образом: На каждое тягло в две души возложена была обязанность обработать в пользу помещика 1 казенную десятину, в каждом из трех полей и $\frac{1}{3}$ десятины луга. За это тягло получало 3 казенные десятины в каждом поле и до $\frac{2}{3}$ десятины луга. Но сверх того, крестьяне обязаны были исполнять работы при усадьбе, в саду и огороде, заготавливать дрова ездить на почту, ставить зерно на пристань, держать караулы, подвозить различные материалы и т. п. Кроме земли и лугов крестьяне получали до 6 десятин старого лесу на каждый 200 тягол. Все работы в пользу помещика распределялись всегда по тяглам, т. е. каждое тягло знало только свою работу, отвечало всецело за ее достоинство, а окончивши было свободно и не выжидало окончания работ других тягол, опоздавших по лени или по другим причинам. В свободное от работ время, каждый крестьянин имел право отлучаться и уезжать на сторону на какие-либо промыслы. Вследствие этого многие крестьяне уходили в извоз или ездили в Петербург и Москву ради торговых предприятий. Однажды к Василию Львовичу пришел один из быковских крестьян некто Кирсанов и стал ему предлагать 3000 руб. ассигн. за волю:

- За чем тебе воля? - спросил его Василий Львович.

- Торговать хочу, батюшка Василий Львович, - отвечал Кирсанов.

- А я тебе разве мешаю торговать?

- Нет.

- Так зачем же тебе воля? С твоих 3000 — я богат не буду, а что у меня такие богатые крестьяне я рад и горжусь этим. (Торговые обороты Кирсанова простирались до 60000 р. ассигн. в год). Если во время отсутствия крестьянина на него падала какая-либо работа, то являлся его заместитель, которого он обыкновенно имел по найму.

Кроме того, крестьяне были обложены холстом и овчинами для одежды дворовых людей: собиралось около 12 арш. с тягла, холста и шкур, смотря по надобности, около 1 шкурки с 10 тягол.

Праздников крестьянам Василий Львович никогда не устраивал, а вместо этого по его предложению крестьяне предпочли получать ежегодно к розговенью

на пасхе мясо. С этою целью заблаговременно ставились на откорм матерые волю, которые кормились 6-ть недель, и в пятницу на страстной давалось на каждое тягло около 5 ф., а безтяглым по 3 ф. прекрасного мяса.

В Светлое Христово Воскресение все старики приходили христосоваться и разговляться куличом и пасхой, и только тут давалось по стакану вина. Вообще кроме храмовых и установленных законом праздников, Василий Львович не позволял праздно шататься народу во имя червя, кузьки, гессенской мухи и других нововведений нашего времени.

В те времена, когда еще и помыслов не было об учреждении по селам запасных мирских хлебных магазинов, в Быковке давным-давно был основан Василием Львовичем такой магазин и притом с замечательной организацией. Всякий кто нуждался в хлебе обращался в магазин и брал нужное количество, с обязательством вернуть на следующий год тоже количество хлеба и непременно того же превосходного качества. Он должен был доставить кроме того на каждую четверть $\frac{1}{2}$ четверика процента. Окрестные села также имели право брать хлеб из этого магазина, но непременно за поручительством быковского крестьянина и под тем условием, что если крестьянин не исполнит обязательств, то все село откуда этот крестьянин лишается права пользоваться займом из быковского магазина. Вследствие этого не было случаев неисполнения обязательств. Магазин иногда доходил до 3-ней пропорции количества хлеба. Тогда излишки продавались и деньги поступали в Быковский общественный капитал. Капитал этот имел также свою организацию. Он составлялся из описанной выше выручки с хлебного магазина, из штрафных денег и так называвшейся рекрутской обкладки: если у крестьянина был один сын, которому приходилось идти в рекруты, то он мог внести в общественный капитал известную сумму, определяемую миром (от 5 — 500 р. ассигн.) и освобождался от рекрутства. Весь общественный капитал хранился в опекунском совете. Он достиг под конец 30,000 руб. ассигн. Проценты с него иногда шли на общественные нужды, например: на отправку рекрут, на вспомоществование бедным крестьянам, потерпевшим от какого либо несчастья. Мирской капитал хотя был в опекунском совете положен на имя Василия Львовича, но был неприкосновенен с его стороны; в своем духовном завещании он убеждает детей «хранить все достояние крестьян паче своей собственности». Впоследствии этим капиталом быковские крестьяне выкупились почти немедленно по освобождении от крепостной зависимости.

В те времена и Быковка была не то, что теперь. Василий Львович с самого приезда начертал план построек и постоянно его держался: мало по малу Быковка вытянулась в две параллельные линии улиц. Между ними через известные пространства шли переулки, обсаженные березками; по склонам горы устроены были удобные съезды, окаймленные перилами. Везде прочные мосты и дамбы; некоторые дороги, подходящие к Быковке, также обсажены были березками. Под

горою два прекрасных водооя в 3 — 4 колоды; у водоемов деревянная мостовая; повсюду виднелся порядок и чистота; каждую субботу улицы тщательно выметались.

Между гнездами изб были оставлены промежутки, засаженные деревьями, как предохранительное средство от пожаров. Василий Львович употреблял все меры, чтоб обеспечить народ от этого пагубного бедствия. В Быковке было до 6 пожарных труб со всеми приспособлениями для тушения пожаров. Перед каждыми 5, 6 избами был вырыт колодец. Нижегородцы того времени знавшие организацию пожарного дела у Василия Львовича, говорили, что у него в Быковке пожарная команда лучше, чем в самом Нижнем.

В других соседних деревнях Василия Львовича — Сарайках и Покровском Майдане, также было по 2 трубы. Когда убирался хлеб и складывался в клады, то к кладям приставлялись 2 трубы и 2 сторожа. На дворе и на гуменнике по ночам иначе не дозволялось ходить, как с фонарем: для чего первое время по субботам от барского двора посылался садовник со свечами, стеклом и алмазом. В известный час каждый из домохозяев, или кто-нибудь из семейные должен был стоять у ворот, и если ему нужна была свеча, или у него был разбит фонарь, то обходивший избы садовник поправлял фонарь и раздавал свечи. С течением времени обычай выходить на дворы с фонарем, а не с лучиной укоренился вполне. Благодаря всем этим мерам в Быковке не было ни одного пожара с 1811 года. Мы приводим здесь один из приказов Василия Львовича, касающиеся этих пожарных правил:

Села Покровского Майдана выборному Михаилу Семионову
Приказ.

Объяви крестьянам, веля вслух им прочитат сей приказ, чтобы повсягодно доколе снег не покроет всю землю, дотол по ночам, как люди ложатся ко сну или уже и спят, овинов бы сушить не дерзали, а когда ветрено, то и в день не дерзали бы, а сушили б только когда безопасно. Но чтоб не выходило о том недоразумения, то б они на сушенье у тебя спрашивались; а ты, буде не очень ветрено, то позволяй, а буде опасно, то запрещай. А кто в противность такового порядка дерзнет, о том староста, десятники и очередные, обходные крепко досматривая, у таковые теплины тотчас затушали бы и топильщиков к тебе приводили бы, а ты таковых ослушников секи нещадно. А если ты о предписанном радеть не будешь, то на тебе взыскивать стану, паче тех продерзных.

Да ныне же крестьянам внуши, а потом и наблюдай; когда кто из них выстроит на плане избу, то б печи к прочности делали с заботою, а трубы, которя будут выходить близко к коньку или шалому, то б выводили по крайней мере вершков на 5, 6 выше конька, а кои трубы будут выходить из крыши не близко к шалому, таковыя выводили бы вышиною сверх крыши аршина на 2 хоть

и повыше. И тако соблюдая, полагали бы надежду на Господа Бога нашего, что спасет от гибельнаго пожара, не редко бываемаго от выкида из трубы.

Да осмотри-ка и нынешния их трубы и коя окажется у крыши опасною, то тотчас вели хозяину сколько-нибудь таковую надложить. Да перестали ли у тебя гонять скотину на пастбище? Давно уже ей в поле наедаться не чем, разве вредом и болезней.

11 ноября 1837. В. Л. Быковка.

Едва только стало известно в русской медицине оспопрививание, как Василий Львович тотчас же выписал стеклышки с лимфой. Он выучился у доктора Дитца (домашний доктор князя Грузинского) ее прививать и с тех пор ввел обязательно оспопрививание по всем своим селам.

Обыкновенно брат его Лавр Львович, живший в Москве, доставал стеклышки с лимфой, и когда приезжали к нему крестьяне из Быковки, то он сделавши предварительно особый мешочек, вешал этот мешочек с стеклышками на груди какому-либо крестьянину. Крестьянин, не имея права снять мешочка под страхом наказания, бережно доставлял его в Быковку. Здесь Василий Львович собственноручно снимал с груди посланного заветную ладанку.

В тот день, когда назначалось оспопрививание, пеклись целые блюда кренделей. Бабы с детьми рядами становились в прихожей и поочередно подходили к Василию Львовичу. Он же, дав ребенку в зубы крендель, собственноручно делал надрезы ланцетом и впускал лимфу. Впоследствии эту обязанность исполнял один из дворовых. Бабы первое время ужасно пугались этого оспопрививания, выли на все село и сзывая друг друга говорили, что идут к барину «робят колоть».

Порядки эти ввелись не в одной Быковке; многие из помещиков благоговевя перед Василием Львовичем, стали перенимать у него многое. Его ближайшим другом был Петр Сергеевич Станиславский — человек высокого ума, бывший одно время исправником и принесший много пользы уезду своею деятельностью. Он жил в с. Каменке и среди своих крестьян сумел ввести также много прекрасных порядков. К несчастью, не имея больших средств, он не мог во всем следовать Василию Львовичу.

Василий Львович скончался на 91 году жизни, почти тотчас по освобождении крестьян в 1861 году, всегда держась строгой, правильной жизни, он достиг глубокой старости. До конца был бодр и свеж и умер тихо и спокойно, как праведник. С освобождением крестьян и с его кончиной многие порядки изменились в селе Быковке. Но его нравственное влияние еще во всей силе держится в этом краю и память о нем еще долго не изгладится. Прах Василия Львовича покоится в селе Быковке у большой церкви.

Примечания к историческому очерку Васильского уезда

1. Лекции профессора Ключевского, читанные в 1882/3 годах на юридическом факультете Московского университета.
2. История России г. Соловьева.
3. Географическо-статистический словарь Росс. Имп. Семенова 1863 года.
4. Летопись Нестора.
5. В настоящее время эти кремневый орудия хранятся у Пл. Ал. Демидова.
6. Так архитектором Л. В. Далем был выкопан один из таких горшков и доставлен в начале семидесятых годов кажется в Румянцовский музей.
7. Нижегородка А. С. Гациского.
8. История Василя Г. Кудрявцева, Нижегород. Статист. сборник т. VI.
9. Краткий очерк истории и описние Нижнего Новгорода. Н. Храмцовского. Нижний Новгород 1857 года.
10. Казанская летопись гл. XVI.
11. Опыт Казанской истории. Рычкова.
12. Софийский временик II. 357.
13. Нижегородский летописец лета седьмыя тысячи.
14. История Карамзина т. VII.
15. Следственное дело об Иване Берсене и Федоре Жареном
16. «Лукно» — лукошко, см. словарь В. И. Даля
17. Археологические акты т. I. стр. 144.
18. Волга Рагозина т. III.
19. *Reum Moscovitarum commentarii*. Гербештейн
20. Городския поселения в Российской Империи т. III стр. 301.
21. Дополнительная выписка из летописей в истории Карамзина VIII т.
22. В лесах Андр. Печерскаго (Мельникова) т. III стр. 254 и 365.
23. Смутное время самозванца. Костомарова.
24. Летопись о мятеже и Никон, л. VIII. 82 ст.
25. Нижегород. губ. ведомости 1860 г.
26. Путешествие Олеария
27. Нижегородския губернска ведомости 1845 г. № 1 и 2.
28. Бунт Стеньки Разина. Костомарова.
29. Разрядные книги I и II т. стр. 929 и 930.
30. Корень «маар» — не русского происхождения, вероятно финского. На юге маарами называют курганы.
31. Рукописи при Хмелевской церкви.
32. Первое полное собрание законов т. VI . № 2218.
33. Дневные записки путешествия доктора и академии наук Адьюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1768 г.
34. Пугачевский бунт. Пушкина.
35. Полн. Сбор. законов т. XXVIII.
36. Герб утвержден в 1781 г., а план уезда в 1804 г.
37. Русская старина 1870 г. т. V Апрель. Император Павел в Козьмодемьянске. М. Де-Пуле.
38. Бердыш находится у А. Демидова, у него же и Пугачевская пушка.
39. Описание Оранского Богородицкого монастыря иеромонаха того же монастыря Гавриила. Нижний Новгород 1871 года.
40. Первое полное собрание законов т. XXV111 , № 21288.
41. Волга, Немировича-Данченко.
42. Памятная книжка Нижегородской губернии, изданная Нижегородским стат. комитетом 1855 года.
43. Очерк промышленной деятельности Нижегородской губернии в связи с вопросами о проведении Урало-Сибирской железной дороги т. IV статистического сборника.
44. Материал для изучения хлебной производительности и хлебной торговли Нижегородской губернии. Нижегородский статистический сборник т. IV.
45. Поволжье в XVII и начале XVIII века. Перетятковича.

